

Печатаю въ «Пушкинскомъ Сборникѣ» свой рефератъ, пользуюсь случаемъ, чтобы выразить мою искреннюю признательность и глубокую благодарность Николаю Платоновичу Барсукову, автору книги «Жизнь и труды М. П. Погодина», любезно снабдившему меня этою книгою, оказавшею мнѣ существенную помощь при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ.

Студентъ Историко-филологическаго факультета (Словеснаго отдѣленія)
6-го семестра *Федоръ Некрасовъ*.

Москва. 1899 года,
марта 30 дня.

Д. В. Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ, „Московскій Вѣстникъ“, журналъ русскихъ шеллингианцевъ Веневитиновскаго кружка, и А. С. Пушкинъ; ихъ взаимныя историко-литературныя отношенія.

Извѣстный знатокъ А. С. Пушкина, П. В. Анненковъ, въ книгѣ «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина и оцѣнки его произведеній» писалъ: «Д. Веневитиновъ имѣлъ свою долю вліянія на Пушкина, какъ почти каждая замѣчательная личность, встрѣчавшаяся ему на пути» ¹⁾.

На чемъ основывается такое заявленіе?

Если мы обратимся къ печатнымъ свидѣтельствамъ о личныхъ сношеніяхъ Пушкина съ Д. Веневитиновымъ, то найдемъ лишь слѣдующее. М. Веневитиновъ, дядя поэта Д. Веневитинова, въ небольшой замѣткѣ, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ ²⁾, свидѣтельствуетъ только, что Веневитиновы были въ родствѣ съ Пушкиными, хотя и не близкомъ, и что родственныя связи облегчили знакомство П. съ В—ымъ. Тотъ же М. В—овъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1885-й годъ (№ 1) напечаталъ цѣлую статью о своемъ племянникѣ, но въ интересующемъ насъ вопросѣ личныхъ отноше-

---

¹⁾ См. стр. 177.

²⁾ т. XVII, стр. 469 и 470.

ній между поэтами, дѣло ограничивается только сообщеніемъ слѣдующаго рода: «Свойство съ семействомъ П—ыхъ объясняетъ быстроту, съ которой Александръ Сергѣевичъ, по прибытіи въ Москву послѣ коронаціи въ 1826 году, послѣдшилъ сойтись съ молодыми В—ыми и ихъ друзьями, изъ которыхъ только С. А. Соболевскій былъ знакомъ съ П—ымъ до его ссылки на югъ Россіи.... Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 8-го сентября,... чрезъ нѣсколько дней происходило чтеніе Бориса Годунова въ домѣ у В—ыхъ.... Отецъ и дядя поэта, Сергѣй и Василій Львовичи, были, какъ родственники, своими людьми въ дому у Оболенскихъ, братьевъ Анны Николаевны В — ой» ¹⁾ (матери Д. В—а)—родство, какъ видите, очень не близкое. То, что находимъ по этому поводу у Погодина въ его «Воспомнаніяхъ» (см. «Русскій Архивъ» за 1865-й годъ), у Коллюпанова въ «Біографіи И. А. Копелева» (т. I, ч. 2, СПб. 1889 годъ) и у Н Барсукова въ его книгѣ «Жизнь и труды М. П. Погодина», ничего существеннаго къ приведеннымъ уже нами сообщеніямъ не прибавляетъ. Мы указали всѣ печатныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ мы можемъ судить о личныхъ сношеніяхъ П—а съ Д. В—ымъ. Но ни одно изъ нихъ не могло быть извѣстно Анненкову, по крайней мѣрѣ, въ печатномъ видѣ, такъ какъ всѣ они появились въ печати уже много спустя послѣ перваго изданія «Матеріаловъ». Очень возможно однако, что Анненковъ, когда писалъ вышеприведенныя слова, располагалъ тѣми рукописными или изустными данными, изъ которыхъ исходили въ своихъ сообщеніяхъ Коллюпановъ и Н. Барсуковъ,—относительно «Восп. Погод.» это почти не подлежитъ сомнѣнію—а также и какими-нибудь еще намъ теперь неизвѣстными свидѣтельствами, добытыми частнымъ образомъ отъ лицъ, лично знавшихъ и П—а, и В—а: всѣмъ извѣстно, съ какою тщательностью собиралъ Анненковъ отовсюду свѣдѣнія о подробностяхъ жизни нашего великаго поэта ²⁾. Помимо такихъ данныхъ, Анненковъ, впрочемъ, могъ исходить въ своемъ сужденіи и изъ другихъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ данныя, которыя могъ онъ извлечь изъ сравнительнаго изученія обоихъ поэтовъ и изслѣдованія отношеній, существовавшихъ между Пушкинымъ и журналомъ «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ па-

¹⁾ Стр. 118.

²⁾ См. также „Матер.“ стр. 1, гримѣч.

рилъ духъ В—а—эти послѣднія отношенія довольно ясно обрисовываются какъ изъ сочиненій самого П—а, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, которые были извѣстны Анненкову, и ихъ Анненковъ касается въ своей книгѣ, отводя, впрочемъ, по нашему мнѣнiю, идеямъ «М. В.» слишкомъ большую роль въ дѣлѣ развитiя таланта Пушкина, что мы и надѣемся показать въ нижеслѣдующемъ изложенiи. Не имѣя въ рукахъ никакихъ рукописныхъ матеріаловъ, которыми, можетъ быть, располагалъ Анненковъ, мы вынуждены ограничиться только печатными свидѣтельствами.

Изъ вышесдѣланныхъ выдержекъ въ сущности трудно извлечь что-нибудь большее, чѣмъ то, что П. и Д. В. были знакомы между собою. Врядъ ли отношенія ихъ были особенно близки, интимны. Они не были, повидимому, въ перепискѣ; по крайней мѣрѣ, таковой не сохранилось. Впрочемъ, то обстоятельство, что личныя отношенія между поэтами не были близки, конечно, отнюдь не говоритъ еще противъ того, что В—въ имѣлъ «долю своего влiянiя» на П—а.

Влiянiе могло быть—насколько большее и было ли оно въ дѣйствительности, это другой вопросъ,—но влiянiе исключительно почти писателя на писателя, т. е. влiянiе произведенiй и идей одного на произведенiя и идеи другого: для этого не требуется не только никакихъ родственныхъ связей, но даже и простаго личнаго знакомства между писателями. Выясненiе этого влiянiя, а также влiянiя идей «М. В.», какъ журнала, во главѣ котораго стоялъ Д. В—овъ (хотя и не официально), и ставимъ мы задачей нашего реферата.

Д. В—овъ извѣстенъ у насъ болѣе какъ поэтъ, хотя имя его является въ сущности тѣсно связаннымъ не только съ исторiею русской поэзiи, но и русской мысли. По характеру своего поэтическаго дарованiя Д. В—овъ близокъ къ германскому поэту Гёте, котораго цѣнили уже по этому одному очень высоко. Прельщала его въ Гёте гармонiя мысли и чувства. И поэзiя В—а въ высшей степени вдумчивая, полная философскихъ отголосковъ, глубокихъ мыслей, какъ и поэзiя его идеала. Передъ вами въ поэзiи Д. В—а, какъ и въ поэзiи Гёте, «выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель, царь и властелинъ внутренняго міра души' чловѣка» ¹⁾. Разница между

¹⁾ Вѣлискій, VIII, 363.

этими поэтами однако есть, но только лишь въ степени развитія поэтическаго таланта: нашъ поэтъ еще не доросъ до своего идеала, еще не доразвился, не обнаружилъ своего таланта во всей силѣ, которой, навѣрно, достигъ бы, если бы его не постигла такая ранняя смерть (Д. В — овъ умеръ на 22-мъ году своей жизни ¹⁾). Д. В — овъ — почти единственный у насъ поэтъ-мыслитель. Былъ у насъ еще подобный же поэтъ. Это — Баратынскій. Но у Баратынскаго замѣчаемъ значительный перевѣсъ мысли надъ чувствомъ, вслѣдствіе чего нерѣдко находимъ у него блѣдныя, безцвѣтные образы; въ поэзи же Д. В — а находимъ полное, гармоническое сліяніе мысли и чувства. При этомъ воѣ стихотворенія В — а отличаются «искренностью чувства и отсутствіемъ чопорной изысканности какъ въ мысляхъ, такъ и въ выраженіяхъ» ²⁾ «Направленіе поэзи» В — а, по мнѣнію его современника Плетнева, элегическое ³⁾. Сужденіе это справедливо, но только отчасти. Дѣйствительно, направленіе поэзи В — а нельзя назвать вполне жизнерадостнымъ, но нельзя назвать и грустнымъ. На нашъ взглядъ, ближе къ истинѣ мнѣніе г. Болдакова, который говорить, что, хотя въ нѣкоторыхъ изъ стихотвореній В — а и сказалось «пессимистическое настроеніе, разочарованіе, въ общемъ, однакоже, тонъ поэзи В — а отличается свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и возвышенною вѣрою въ судьбу человѣчества» ⁴⁾. — Зная общій характеръ поэзи Д. В — а, зная, какъ высоко цѣнили П — ъ Баратынскаго, поэта однороднаго съ В — ымъ направленія, но менѣе его талантливаго ⁵⁾, — рѣчь о томъ, вполне ли понималъ П — ъ Гёте и высоко ли ставилъ его, будетъ ниже — мы, и не имѣя отзывовъ П — а собственно о Д. В — ѣ, какъ поэтѣ, можемъ съ увѣренностью сказать, что П — ъ вполне правильно и высоко цѣнилъ поэтическій талантъ В — а, сочувствовали тому направленію въ поэзи, представителемъ котораго являлся В — ъ. Такимъ образомъ, сближеніе между двумя поэтами на этой почвѣ, т. е. сближеніе, обусловленное харак-

¹⁾ род. 14 сент. 1805 г., умеръ 15 марта 1827 года.

²⁾ Энциклоп. Словарь; изд. Брокгаузъ и Ефронъ, полут. 10-й, стр. 903.

³⁾ Энциклоп. Слов. Плюшара, т 9-й, стр. 367—8.

⁴⁾ Энциклоп. Слов. Бр. и Ефр., пол. 10-й, стр. 903.

⁵⁾ Отзывы П — а о Бар. см., напр., въ письмѣ къ Погодину, 1828 года, 19 февраля; въ статьѣ „Баратынскій“ 1831 годъ; томъ IX собр. сочин. (по изданію А. С. Суворина, 1887 годъ) стр. 73 и друг.

теромъ ихъ поэзіи, взаимнымъ ея пониманіемъ—въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что и В —ъ въ общемъ вѣрно оцѣнивалъ произведенія П—а — было вполнѣ возможно и естественно. Еще В. Бѣлинскій говорилъ, что вліяніе П—а на В —а не подлежитъ сомнѣнію, но, впрочемъ, тутъ же добавлялъ, что «явнаго вліянія указать нельзя» ¹⁾. Что касается вліянія поэзіи В—а на поэзію П — а, то тоже и въ этомъ случаѣ мы не можемъ указать «явныхъ слѣдовъ его», и мы склонны думать, что все дѣло ограничивалось скорѣе взаимнымъ пониманіемъ съ стороны обоихъ поэтовъ мотивовъ поэзіи каждаго изъ нихъ, чѣмъ вліяніемъ одного на другого, или иной разъ простымъ совпаденіемъ идей, обусловленныхъ общимъ настроеніемъ эпохи, господствовавшимъ въ то время взглядомъ на тотъ или иной предметъ. Любопытно, напримѣръ, сопоставить взгляды П — а и В — а на поэта и поэзію. Въ сущности у обоихъ мысль одна и та же, для обоихъ «поэтъ» и поэзія являются предметомъ своего рода культа ²⁾.— Это было ходячее въ то время мнѣніе. Вообще, если В—ъ и могъ вліять на П—а, то не какъ поэтъ самъ по себѣ, а какъ мыслитель, главнымъ образомъ какъ литературный критикъ, и могъ вліять не только онъ самъ, а также—и даже преимущественно — кружокъ Д. В—а: сношенія поэта съ самимъ В—ымъ были весьма не продолжительны ³⁾. Поэтому, намъ и надлежитъ обратить особенное вниманіе на этотъ кружокъ, связи П — а съ которымъ были довольно продолжительны, а затѣмъ и на его органъ, журналъ «Московскій Вѣстникъ», служившій проводникомъ его идей.

Выше мы сказали, что Д. В—овъ имѣетъ значеніе не только въ исторіи русской поэзіи, но и въ исторіи русской мысли. Это былъ одинъ изъ видныхъ русскихъ шеллингианцевъ.

---

¹⁾ В. Бѣлин., собр., соч., т. VI, 65 стр.

²⁾ У В—а см. стих. „Поэтъ“, „Жертвоприношеніе“, „Утѣшеніе“ „Я чувствую, во мнѣ горитъ“..., „Поэтъ и другъ“, „Последніе стихи“; у П—а см. „Чернь“, „Поэтъ“, „Поэту“ и друг., также *passim* въ письмахъ и замѣткахъ разнаго рода (т. IX и VIII).

³⁾ П—ъ познакомился съ В—ымъ 10 сент. 1826 года, а 15 марта 1827 года уже скончался. Личныя отношенія между поэтами, какъ мы показали выше, были въ тому же, повидимому, не особенно близки.

Философія, бывшая у насъ прежде достояніемъ духовныхъ учебныхъ заведеній, свѣтской наукой становится только со времени основанія Московскаго Университета. Шеллингянство, впрочемъ, впервые явилось не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ особенно усердными его проводниками были Велланскій, этотъ историческій основатель русскаго шеллингянства, и Галичъ. Когда о философіи Шеллинга услышали въ Московскомъ Университетѣ—это для насъ важнѣе, потому что Д. В—овъ—москвичъ, и слушалъ лекціи въ Московскомъ Университетѣ—рѣшить съ точностью, по словамъ г. Ив. Иванова ¹⁾, трудно; но во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что въ Московскомъ Университетѣ въ то время, когда В—овъ посѣщалъ его лекціи, было два профессора, которые въ своихъ лекціяхъ знакомили слушателей съ идеями шеллингянства. Это были профессора; Павловъ и Давыдовъ, курсы которыхъ, какъ намъ извѣстно, особенно интересовали В—а. Конечно, справедливо мнѣніе г. Болдакова, что лекціи ихъ много способствовали развитію В—а въ духѣ шеллингянства, но еще большее значеніе въ этомъ отношеніи, кажется, надо приписать тому кружку, который составляли изъ себя нѣкоторые даровитые и болѣе развитые студенты и посѣтители Университета, и въ которомъ молодые люди занимались самостоятельно философскими преніями и читали собственныя сочиненія на разныя отвлеченныя темы. Къ этому кружку принадлежалъ и Д. В—овъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія мы можемъ сослаться и на то, что философія Шеллинга не пользовалась особеннымъ уваженіемъ въ Московскомъ Университетѣ, и даже въ 1826 году, послѣ исторіи съ проф. Давыдовымъ, была окончательно устранена, какъ предметъ преподаванія. Погибъ Шеллингъ для «профессорской», по мѣткому выраженію г. Иванова ²⁾, философіи, но благодаря упомянутому кружку продолжала не меньше, если еще не больше, процвѣтать философія «студенческая»—все съ тѣмъ же Шеллингомъ во главѣ. Эти двѣ философіи имѣли одинъ источникъ. Обѣ черпали содержаніе изъ философіи германскихъ мыслителей, но между ними была великая разница въ цѣли и настроеніи, съ которыми изучался предметъ. Тогда какъ

¹⁾ См. „Исторію русской критики“, ч. I и II, изд. жур. „Міръ Божій“, стр. 295 и слѣд.

²⁾ Стр. 280.

для «профессоровъ» философія была школьной спеціальною, у «студентовъ» она быстро превратилась въ неисчерпаемый источникъ практическихъ идей въ художественной литературѣ и даже въ политикѣ. «Студенческая» философія получала такимъ образомъ то живое, жизненное примѣненіе, которое сообщило ей такое важное значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. При этомъ вообще надо замѣтить, что германская философія у насъ—за исключеніемъ только указанной выше «профессорской» философіи—не служила празднему любопытству и не была единственнымъ духовнымъ достояніемъ нашихъ философовъ и критиковъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, которые всѣ воспитывались на нѣмецкой философіи. «Она только давала *обобщенія* готовымъ фактамъ и идеямъ, она приводила въ систему понятія и стремленія, внушенныя вовсе, не ею, а силой, несравненно болѣе настоятельной—русской жизнью, русской политической и общественной исторіею» ¹⁾. На системахъ нѣмецкихъ философовъ русскіе учились мыслить, вырабатывали себѣ извѣстныя «привычки мысли», по выраженію А. Н. Пыпина ²⁾, укрѣпляли свою мысль, при чемъ русскіе ученики германскихъ философовъ никогда не подчинялись вполне своимъ учителямъ, никогда слѣпо не слѣдовали за ними (болѣе извѣстные и разительные примѣры: Бѣлинскій и Кирѣевскій). Совершенно ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что нѣмецкая философія *вызвала* къ жизни и практической дѣятельности «дремавшія» силы русскаго общества.

Возвращаемся къ судьбѣ того кружка студентовъ-философовъ, къ которому принадлежалъ В—овъ. Изъ него, послѣ окончанія его членами университетскаго курса наукъ, образовалось довольно многочисленное литературное общество. Въ центрѣ его стоялъ *Рамль* ³⁾. По свидѣтельству Ив. Аксакова, «это былъ человекъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идеалическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ» ⁴⁾. Большая часть свойствъ,

¹⁾ Ив. Ивановъ, 258.

²⁾ „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“ СПб. 1890 г.

³⁾ Извѣстный переводчикъ „Освобожденнаго Иерусалима“ Тассо.

⁴⁾ Н. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина“, т. I, 161—2.

которыми охарактеризовалъ Ив. Аксаковъ Раича, принадлежала и прочимъ членамъ кружка. Всѣмъ безъ изъятія должно приписать чистоту, безкорыстіе убѣжденій и стремленій и «солидность ученаго», по крайней мѣрѣ, для того времени. Въ числѣ членовъ кружка (основанъ онъ въ 1823 году ¹⁾) встрѣчаются имена съ будущей громкой литературной извѣстностью: князь Одоевскій, братья Кирѣевскіе, Полевой, Погодинъ, кн. Вяземскій, Д. Веневитиновъ и мн. др. Цѣли, представлявшіяся этому обществу, были чисто-литературнаго характера, такъ какъ вообще, какъ извѣстно, прогрессъ общественной жизни долгое время выражался у насъ исключительно въ сферѣ чисто-литературныхъ мнѣній, не имѣя возможности въ силу исторически создавшихся условій нашего гражданскаго и государственнаго строя захватить болѣе практическіе вопросы. Время основанія Раичевскаго общества совпадало приблизительно съ временемъ вторженія въ русскую литературу романтизма. Въ 1820 году вышла изъ печати первая поэма А. С. Пушкина «Русланъ и Людмила» — эта боевая перчатка, брошенная новымъ направленіемъ классицизму. Возгорѣлась жаркая борьба между старымъ и новымъ поколѣніемъ, между классиками и романтиками. Общество состояло изъ представителей новаго направленія. Воспитавшись на философіи Шеллинга, романтики вполне могли найти себѣ оправданія въ ней. Философія Шеллинга именно и отличается тѣмъ, что ее могли съ успѣхомъ усвоивать люди самыхъ различныхъ направленій и самой разнообразной психической организаціи. Она могла удовлетворить и естествоиспытателя съ его стремленіями къ яснымъ, практически обоснованнымъ выводамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ носила, такъ сказать, вдохновенный характеръ, доходившій даже до того, что Шеллинга прямо можно назвать философомъ — поэтомъ. Философія Шеллинга вообще была преисполнена цѣлаго ряда противорѣчій, и Шеллингъ никогда не далъ цѣльной системы, философія его такъ и не вылилась въ стройную, логически построенную, во всѣхъ частяхъ законченную систему, какую далъ, напри- мѣрѣ, Гегель. Изъ школы шеллингианцевъ вышелъ и такой человекъ, какъ Полевой, который, будучи рьянымъ противникомъ классицизма, въ спорѣ съ Д. Веневитиновымъ, тоже романтикомъ, по поводу пер-

¹⁾ Барсуковъ, I, 212.

вой главы «Евгенія Онѣгина» писалъ: «Я очень понималъ, что говорю, когда неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ чело-вѣческаго сердца, хотѣлъ означить сущность и причину романтиче-ской поэзіи»¹⁾),—на что противникъ его, тоже шеллингистъ, весьма резонно возражалъ, что «такое опредѣленіе ничего не опредѣляетъ и не разъясняетъ». ²⁾—Шеллингъ прямо говорить, что душа не вы-разима рѣчью, что творческія идеи никогда не могутъ быть переданы словами, что каждая рѣчь обманъ и для насъ, и для нашихъ себе-сѣдниковъ ³⁾). Разъ рѣчь и вообще всякій внѣшній способъ выра-женія идей — обманъ даже и тогда, когда стремленія души вполне опредѣленны, сознаны ею самою ⁴⁾), то что же должно быть въ томъ случаѣ, когда рѣчь должна выражать «неопредѣленное и неизъясни-мое состояніе челоуѣческаго сердца»? Очевидно, Полевой возводилъ въ принципъ—и имѣлъ полное право дѣлать это, исходя изъ нѣко-торыхъ положеній шеллинговой философіи — романтическую неясность, неопредѣленность стремленій, мало сознательные порывы въ за-облачныя сфѣры.

Къ этой же школѣ шеллингѣанцевъ принадлежалъ и Д. В—овъ. Онъ однако самымъ первымъ и непремѣннымъ условіемъ ставилъ ясность мысли, стремился, можно сказать, къ идеальной ясности и самой мысли, и ея выраженія. Въ письмѣ къ княжнѣ А. И. Тру-бецкой, намѣреваясь въ цѣломъ рядѣ писемъ, которыхъ однако за смертью В—а не послѣдовало, развить всю «систему философіи», представить, «какъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея обратно выводятся» ⁵⁾), говорить: «Начиная письма мои, прошу Васъ не забывать одного условія, и вотъ оно: если я на одну минуту перестану быть яснымъ, то изорвите мои письма, запретите мнѣ

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“ 1825 годъ, № 15; особ. прибавл., стр. 4; также „Собр. Сочин. Д. В—а“, изд. подъ ред. Пятковского, (1862 года), стр. 218.

²⁾ Собр. соч. В—а., 218.

³⁾ См. Собр. соч. кн. Одоевскаго, т. I „Русскія Ночи“.

⁴⁾ Въ примѣрѣ этого Одоевскій приводитъ Бетховена, который всегда жало-вался на то, что онъ въ своихъ твореніяхъ не выразилъ и половины того, что чувствовалъ, хотя чувства его для него самого были вполне опредѣленны, онъ отчетливо сознавалъ ихъ.

⁵⁾ Соч. В—а., 179.

писать объ этомъ предметѣ¹⁾. И правъ былъ В. Бѣлинскій, когда писалъ о Д. В—ѣ, что его направленіе было дѣйствительно идеальное, а не мечтательно-идеальное²⁾. Этимъ правиломъ всегда отдавать себѣ ясный отчетъ въ своихъ мысляхъ и стремленіяхъ Д. В—овъ отчасти обязанъ своимъ занятіямъ естественными науками, которыя обыкновенно приучаютъ человѣка стремиться къ отчетливости и въ мысляхъ, и въ ихъ словесномъ выраженіи и тѣмъ, что постоянно приводятъ его въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, природой и матеріею, удерживаютъ отъ несбыточныхъ мечтаній и полетовъ въ заоблачныя сферы,—В—овъ, какъ намъ извѣстно, съ особеннымъ интересомъ занимался въ Московскомъ Университетѣ анатоміею подъ руководствомъ профессора Лодера—отчасти тому обстоятельству, что принадлежалъ, послѣ участія въ «студенческомъ» философскомъ кружкѣ, къ «Обществу Любомудрія».—Полевой же вовсе, насколько намъ извѣстно, не занимался систематическимъ изученіемъ ни философіи вообще, ни шеллинговой въ частности, не получилъ даже никакого систематическаго образованія, тогда какъ В—овъ получилъ самое тщательное и воспитаніе, и образованіе³⁾.

В—овъ, какъ и нѣкоторые другіе члены литературнаго общества, принадлежалъ къ знаменитымъ «архивнымъ юношамъ», увѣковѣченнымъ П—ымъ⁴⁾. Эти юноши, служившіе въ Архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, составляли цвѣтъ тогдашней московской молодежи. По свидѣтельству Кошелева⁵⁾, «начальство было очень мило», оно не требовало отъ служащихъ «большой работы», такъ что юноши вполне могли предаваться «бесѣдамъ, которыя сперва стояли у нихъ на первомъ планѣ», уступивъ за тѣмъ мѣсто писанію сказокъ, «такъ чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми ими». Пятеро изъ этихъ архивныхъ юношей: кн. Одоевскій, Ив. Кирѣевскій, Н. Рожалинъ, И. Кошелевъ и Д. В—овъ — однако не удовольствовались такимъ препровожденіемъ времени и составили изъ себя особое «Общество

¹⁾ Соч. В—а, 175.

²⁾ Бѣлнн. т. VI, 65—6.

³⁾ См. объ этомъ у Пятковского въ біографіи Д. В—а, при собраніи сочиненій, также у Н. Барсукова и у Колюпанова въ біографіи Кошелева.

⁴⁾ См. VII главу „Евг. Овѣгина“, строфу 49.

⁵⁾ См. біографію Кошелева, написанную Колюпановымъ, а также Н. Барсукова „Жизнь и труды Погод.“ т. I, 301—302.

любомудрія», собиравшееся тайно отъ прочихъ товарищей. Здѣсь царилъ исключительно нѣмецкая философія: Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ и др. На собраніяхъ этого общества всего болѣе обыкновенно говорилъ Д. В—овъ и приводилъ, по свидѣтельству Копелева, всѣхъ въ восторгъ. Здѣсь читалъ онъ свои прозаическіе наброски: «Скульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и ночь» и «Бесѣды Платона съ Александромъ» — представляющіе — послѣдній даже и по самой своей формѣ — весьма удачное подражаніе діалогамъ Платона и по развитію мыслей, и по поэтическому тону. Изъ нихъ видно, что мысль В—а уже вполне окрѣпла. «Общество любомудрія» просуществовало, впрочемъ, менѣе года. Послѣ событій 14 декабря 1825 года оно было упразднено самими учредителями. Но несмотря на кратковременность его существованія не подлежитъ сомнѣнію, что бесѣды въ «Обществѣ Любомудрія» не мало помогли дальнѣйшему философскому развитію Д. В—а, вполне укрѣпили его мысль для самостоятельной работы. Онъ же, помимо бесѣдъ въ прежнемъ студенческомъ кружкѣ, способствовали отчасти, вѣроятно, тому положенію, которое занялъ Д. В—ъ по отношенію къ членамъ литературнаго общества.

Чѣмъ былъ А. Тургеневъ, другъ Жуковского, Батюшкова, князя Вяземскаго для поколѣнія, предшествовавшаго 1812-му году, чѣмъ былъ Станкевичъ для молодыхъ людей между 1835-мъ и 40-мъ годами, тѣмъ былъ и Д. В—овъ для молодого поколѣнія романтиковъ, принадлежавшаго 1825-му году.

Биографъ Д. В—а, г. Пятковский, уже въ 1862 году свидѣтельствовалъ, что ему приходилось встрѣчать «изъ этого кружка людей уже пожившихъ и испытанныхъ жизнью, много видѣвшихъ и многое позабывшихъ — но при одномъ словѣ объ ихъ юномъ другѣ, при одномъ звукѣ этого незабвеннаго имени, рай свѣтлыхъ и чистыхъ воспоминаній внезапно поднимался въ нихъ изъ тумана прошлаго» ¹⁾. Мы знаемъ, что долгое время — въ продолженіе 25 лѣтъ — послѣ смерти В—а друзья его аккуратно собирались въ день его кончины, 15 марта, въ Симоновъ монастырь, служили панихиду и потомъ обѣдали вмѣстѣ, оставляя «одинъ приборъ для отбывшаго друга» ²⁾.

¹⁾ Соч. В—а, 59.

²⁾ Барсуковъ, II, 92—3 и въ друг. томахъ.

Такъ сильна была память среди членовъ литературнаго общества объ этомъ рано увядшемъ юношѣ! Стало быть, велико было его вліяніе на своихъ друзей. Онъ былъ, можно сказать, душою этого кружка, который съ 1827 года издавалъ журналъ «Московский Вѣстникъ». Вотъ почему г. Барсуковъ имѣлъ полное право назвать Д. В — а основателемъ «Московского Вѣстника» ¹⁾, а академикъ Л. Майковъ со словъ Шевырева въ его «Воспоминаніяхъ» назвать кружокъ, издававшій этотъ журналъ, Веневитиновскимъ кружкомъ ²⁾. Такимъ образомъ, выясненіе философско - критическихъ взглядовъ В — а тѣмъ самымъ избавить насъ отъ необходимости подробнаго разсмотрѣнія направленія «Московского В.», давъ понятіе о литературныхъ мнѣніяхъ другихъ членовъ кружка, такъ какъ идеи ихъ совпадутъ болѣе или менѣе съ идеями Д. В — а.

Гнзязъ Одоевскій, въ увлекательной и живой литературной формѣ рассказавшій о судьбахъ русскаго шеллингянства ³⁾, говоритъ: «Въ началѣ XIX вѣка Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Колумбъ въ XV: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословные преданія—его душу» ⁴⁾. Это было весьма важно. Изученіе души, законовъ психической дѣятельности пріучало русскихъ шеллингистовъ къ самонаблюденію; но по Шеллингу этого мало: главная бѣда въ томъ, что люди «позабываютъ посмотрѣть вокругъ себя»; поэтому онъ призываетъ къ «исслѣдованію другихъ», окружающаго міра: это поможетъ познать и самого себя ⁵⁾. Отсюда наблюденія надъ проявленіемъ души не только въ самомъ себѣ, но и въ другихъ. Все это должно было развивать страсть къ анализу, пріучать критически относиться къ себѣ, къ другимъ и къ окружающей дѣйствительности. Такимъ путемъ приходили русскіе шеллингянцы къ убѣжденію о необходимости *самопознанія*, познанія своихъ силъ и своего предназначенія, какъ въ примѣненіи къ каждому въ отдѣльности, какъ и ко всей Россіи въ

---

¹⁾ Барс., т. VII, 131.

²⁾ Л. Майковъ „Историко-литературные очерки“ СПб. 95; стр. 171.

³⁾ Соч. Одоевскаго, т. I, 1844 года („Русскія ночи“).

⁴⁾ Барс. I, 202 пли „Русскія ночи“ вн. Одоевск. стр. 15.

⁵⁾ См. „Русск. ночи“.

ея цѣломъ, чтобы собразно открытой цѣли направить свою дѣятельность. Отсюда шеллингянцы приходили къ сознанию необходимости самостоятельности, независимости для русскихъ въ работѣ мысли, равно какъ и для всякой другой націи, такъ какъ у каждаго народа свое особое предназначеніе въ общечеловѣческой культурѣ.

Д. В—овъ въ статьѣ «Нѣсколько мыслей въ планѣ журнала» говоритъ: «Самопознаніе—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ ничто иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли»¹⁾. Съ эпохи отечественной войны въ Россіи нашла почву важнѣйшая идея романтизма, уваженіе къ дѣйствительной народной старинѣ. Французская революція, политическія событія, вызванныя въ Европѣ имперією Наполеона I и ея паденіемъ, логическіе выводы философіи начала настоящаго столѣтія, все соединилось во имя *національнаго* принципа и выдвинуло на арену европейской культуры *народъ*, указало на него, какъ на великую историческую силу и на обладателя духовныхъ богатствъ.

На этой почвѣ, т. е. на почвѣ національнаго вопроса, который въ кружкѣ Раича стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ, идеи В—а о необходимости для Россіи полной самостоятельности въ дѣлѣ ея просвѣщенія выразились особенно ярко. «Мы должны» пишетъ онъ «взирать на каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственные усилія, ознаменованныя печатью особеннаго характера. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе, цѣль просвѣщенія или самопознанія народа» — итакъ, самопознаніе и просвѣщеніе одно и то же—«есть та степень, на которой онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія». ²⁾ Русскій народъ, какъ и всякій другой, долженъ имѣть и, несомнѣнно, имѣетъ свое особое назначеніе, въ общечеловѣческой культурѣ. Въ чемъ оно состоитъ, вопросъ еще не рѣшенный. Чтобы рѣшить его, Россія должна обратиться къ изученію самоё себя, къ *самопознанію*. Для этого необходима работа *мысли*.

¹⁾ Соч. В—а, 164.

²⁾ Соч. В—а, 164—5.

Такъ какъ, по мысли В—а, литература народа, науки и искусства—вѣрныя показатели степени культурнаго развитія народа, то онъ, естественно, приходитъ къ вопросу о томъ, каково состояніе современной ему русской литературы. Она проявляетъ «слабость», и причина ея не столько въ образъ мыслей, сколько въ *бездѣйствіи мысли* ¹⁾. «Получивъ», по справедливому замѣчанію В — а, «форму литературы прежде самой ея сущности» ²⁾, мы безъ особаго труда распространились съ классицизмомъ, но, отбросивъ «французскія правила», мы эти «невѣрныя правила» замѣнили «отсутствіемъ всякихъ правилъ». Поэтому, «надобно бы совершенно остановить вѣнѣшній ходъ русской словесности», не руководящейся никакими правилами, и «заставить ее *болѣе думать*, нежели производить». В — т даже готовъ «обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія» ³⁾. И почему же? Да потому что, «находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать *собственными* умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въ ономъ представляются. Такимъ образомъ, мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ разысканій» ⁴⁾.

Въ Россіи еще нѣтъ «твердаго основанія изящныхъ наукъ», она «еще нуждается въ немъ» ⁵⁾. Другими словами, въ Россіи нѣтъ еще литературной критикѣ, и нѣтъ ея, потому что не найдено еще ея «твердое основаніе», а безъ него не мыслима дѣльная критика. Русская критика еще не располагаетъ общими понятіями или сужденіями о поэзіи — такими, исходя изъ которыхъ, она могла бы вѣрно судить объ отдѣльныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. О необходимости для правильныхъ сужденій критики такого общаго «одного начала», къ которому можно бы было сводить всѣ частные случаи или явленія, В—овъ заявлялъ съ особенною настойчивостью. Еще въ статьѣ по поводу «Разсужденія г. Мерзлякова о началѣ и духѣ древней трагедіи» В—овъ писалъ: «Тотъ, кто чувствуетъ, не всегда можетъ отдать себѣ и другимъ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ.

¹⁾ Соч. В—а, 167.

²⁾ Ibid., 166.

³⁾ Ibid., 166, 7, 8.

⁴⁾ Соч. В—а, 169.

⁵⁾ Ibid., 169.

Красоты поэзии близки сердцу человеческому и, слѣдственно, легко ему понятны; но чтобы произнестъ общее сужденіе о поэзии, чтобы опредѣлить достоинства поэта, надобно основать свой приговоръ на мысли опредѣленной» ¹⁾). Въ статьѣ по поводу первой главы «Евг. Онѣгина» онъ выражается такъ: «Поэты не летаютъ безъ цѣли, и какъ будто на зло шитикамъ; поэзія не есть неопредѣленная горячка ума; но подобно предметамъ своимъ, природѣ и сердцу человеческому, имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила» ²⁾). Въ той же статьѣ В—овъ говоритъ: «Въ критикѣ должно быть основаніе положительное, всякая наука положительная заимствуетъ свою силу изъ философіи; и поэзія не разлучна съ философіей. Если мы съ такой точки зрѣнія, безпристрастнымъ взглядомъ, окинемъ ходъ просвѣщенія у всѣхъ народовъ (общія словесность каждаго въ цѣломъ: степенью философіи времени; а въ частяхъ: по отношеніямъ мыслей каждаго писателя къ современнымъ понятіямъ о философіи); то все, мнѣ кажется, пояснится». Съ такой точки зрѣнія, добавляетъ онъ, и «Аристотель не потеряетъ правъ своихъ на глубокомысліе, и мы не будемъ удивляться, что французы, подчинившіеся его правиламъ, не имѣютъ литературы самостоятельной» ³⁾).

Здѣсь мы находимъ явное установленіе исторической точки зрѣнія въ критикѣ литературныхъ произведеній. Подобная мысль сдѣлалась неотъемлемымъ достояніемъ русской критики, получила, такъ сказать, права гражданства только много спустя послѣ В—а, именно съ времени дѣятельности В. Бѣлинскаго.—Вообще надо замѣтить, мы часто находимъ букввальное совпаденіе идей этихъ двухъ критиковъ. Помимо указаннаго сходства, можно привести еще данное В—ымъ опредѣленіе *народности въ поэзии*. Опредѣленіе это совпадаетъ съ тѣмъ, какое впослѣдствіи давалъ ей Гоголь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ. По Бѣлинскому: «Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ» ⁴⁾). По В—ву: «Народность отражается не въ картинахъ, принадлежащихъ какой либо особенной сторонѣ,

¹⁾ Соч. В—а, 181.

²⁾ Соч. В—а, 206.

³⁾ Ibid., 202.

⁴⁾ Соч. Бѣл., VIII, 399.

но въ самыхъ чувствахъ поэта, напитаннаго духомъ одного народа и живущаго, такъ сказать, въ развитіи, успѣхахъ и отдѣльности его характера» ¹⁾). Правда, понятіе духа народа довольно неопредѣленно, и самъ В—овъ оказался менѣе проникательнымъ въ отношеніи къ народности «Евг. Онѣгина», чѣмъ его литературный противникъ, Полевой. В—овъ прямо заявилъ: «Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій» ²⁾).

Затѣмъ какъ на черту, сближающую В—а съ Бѣлинскимъ, можно указать на слѣдующія его слова: «Для общества бесполезенъ поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и, слѣдовательно, уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія» ³⁾). Здѣсь В—тъ отвергаетъ самодовлѣющее искусство и общественное значеніе поэта опредѣляетъ такъ, какъ опредѣлялъ его Бѣлинскій только уже въ послѣдніе годы своей дѣятельности.

В—овъ требовалъ отъ поэта обязательно *мысли*, одно чувство его не удовлетворяло. «Первое достоинство всякаго художника есть *сила мысли*, сила чувства» ⁴⁾). «Истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были филосогами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія» ⁵⁾). *Истинный поэтъ* никогда не творитъ подъ вліяніемъ «перваго чувства». «Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ, и тогда уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи» ⁶⁾). В—овъ прямо говоритъ, что «многочисленность *стихотворцевъ* во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія» ⁷⁾). У насъ въ литературѣ, къ несчастію, наблюдается какъ разъ это явленіе. И вотъ какъ объясняетъ его В—овъ: «У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство, нѣкоторымъ

¹⁾ Соч. В—а, 224.

²⁾ Ibid., 205.

³⁾ Ibid., 52.

⁴⁾ Соч. В—а, 203.

⁵⁾ Ibid., 167.

⁶⁾ Ibid., 167.

⁷⁾ Ibid., 167.

образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить, и прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія» ¹⁾. Это—отличная характеристика поэтовъ «чистаго искусства», поэтовъ риѣмы и «сладкихъ звуковъ». Именно такъ долженъ былъ говорить тотъ, кто самъ былъ поэтомъ—мыслителемъ.

Находя въ Пушкинѣ и «силу чувствъ, и силу мысли»—В—овъ на примѣръ, признается, что онъ находитъ въ «Разговорѣ поэта съ книгопродавцемъ», много «истинной поэзи», даже «болѣе, чѣмъ въ самомъ Онѣгинѣ», что «въ словахъ поэта видна душа свободная, пылка, способная къ сильнымъ порывамъ» ²⁾—шеллингианцы не замедлили объявить его поэтомъ—философомъ. Это означало для нихъ—выдѣлить его изъ сонма всѣхъ современныхъ сладкопѣвцевъ и ремесленниковъ» ³⁾.

Помимо уже упоминавшейся нами статьи В—а о П—ѣ, которая была единственной статьёй по поводу первой главы «Евг. Онѣг.», прочтенной поэтомъ съ любовью и вниманіемъ—«все остальное или брань, или переслащенная дичь» говорилъ онъ—В—овъ даль, хотя и незначительный по размѣрамъ, но вѣрный по замѣчаніямъ отзывъ «о второй пѣсни Евг. Онѣг.» ⁴⁾. Затѣмъ, когда въ «М. В.» былъ напечатанъ отрывокъ изъ «Бориса Годунова» ⁵⁾, В—овъ написалъ для *Jurnal de St. Petersbourg* статью «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin». В—овъ справедливо видѣлъ въ трагедіи окончательное освобожденіе П—а отъ вліянія Байрона. «Поэтическое воспитаніе г. Пушкина», по его мнѣнію, «*новидимому*, совершенно закончено» ⁶⁾. В—овъ находилъ, что Пушкинъ былъ въ этой трагедіи «вѣренъ непреложнымъ и существеннымъ законамъ поэзи и не отступалъ отъ правдоподобія» ⁷⁾.

Все вышеизложенное показываетъ, какіе великіе задатки серьезной философской, исторической и общественной критики были у

---

¹⁾ Соч. В—а, 167—8.

²⁾ Соч. В—а, 206.

³⁾ См. статью Кирѣевского «Нѣчто о характерѣ поэзи А. С. Пушкина», помѣщ. въ № 6 «Московского Вѣстника» за 1828 годъ.

⁴⁾ «М. В.» 1828 годъ, № 4 или соч. В—а, 225—6.

⁵⁾ М. В., 1827, № 1.

⁶⁾ Соч. В—а, 192.

⁷⁾ Ibid., 193.

В—а. Г. Ив. Ивановъ справедливо замѣчаетъ, что, если бы не преждевременная смерть, то «несомнѣнно, дальнѣйшее освобожденіе П—а и русской литературы отъ западнаго романтизма, ея переходъ къ національному реальному искусству также встрѣтилъ бы сочувствіе критика» ¹⁾. Мы вполне согласны и съ тѣмъ окончательнымъ выводомъ, къ которому приходитъ г. Ивановъ: «Самъ поэтъ и въ то же время мыслитель, В—овъ стремился слить въ идеальной гармоніи творчество и идею. Любопытно его доказательство философскаго содержанія гомеровскихъ поэмъ. Оно заключается въ ясномъ и простомъ отраженіи природы. Слѣдовательно, всякое правдивое и реальное творчество въ то же время глубоко-идейно, стоитъ на уровнѣ философскаго мышленія. В—овъ не успѣлъ облѣпить всѣхъ выводовъ изъ своихъ общихъ положеній, не могъ даже выяснитъ съ должной полнотой и самыя положенія, но, несомнѣнно, въ его умѣ бродили начала плодотворнѣйшей художественно-идейной критики» ²⁾.

Принимая въ соображеніе, какъ жаждалъ П — ъ настоящей, дѣльной критики, о чемъ будетъ рѣчь ниже, какъ онъ жадно искалъ въ послѣдствіи случая сблизиться съ молодымъ Бѣлинскимъ, и имѣя въ виду его отношенія къ «М. В.», о которыхъ намъ еще предстоитъ говорить, мы вполне увѣренно можемъ сказать, что П—ъ въ смерти В — ва видѣлъ утрату перваго истиннаго критика, что для П—а В—ъ былъ настоящимъ чуткимъ, художественно-одареннымъ цѣнителемъ искусства.

Умеръ В—овъ, но послѣ него осталось немало единомышленниковъ, идеи которыхъ совпадали съ его идеями, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ критическихъ воззрѣніяхъ. Все это были его друзья, члены Раичевского кружка, которые проводили свои тождественныя съ Вениитиновскими идеи еще и при жизни В — ова, въ союзѣ и даже во главѣ съ нимъ. Средствомъ для этого служилъ имъ журналъ, «М. В.», къ которому мы теперь и обратимся.

---

¹⁾ „Исторія русской критики“ ч. I и II, стр. 424.

²⁾ Ibid., 424—5.

Толки о журналѣ начались въ Обществѣ Раича еще съ 1823 г., въ собраніи, бывшемъ 3-го мая ¹⁾. И въ 1825 году «мечталъ Погосдинъ объ основаніи журнала при содѣйствіи Шевырева, Раича и кн. Оболенскаго» ²⁾. — Въ этомъ году былъ основанъ «Московскій Телеграфъ» Полевого, тоже члена литературнаго кружка. Когда начались толки объ изданіи журнала, въ кружкѣ обнаружилось два теченія. Представителемъ одного явился Полевой, съ нимъ соединился и князь Вяземскій. Соображенія Полевого о журналѣ не были одобрены «архивными юношами», филосогами и аристократами ³⁾. Они явились сторонниками другого направленія. Ихъ главою былъ В — овъ, представившій свой проэктъ о направленіи замышлявшагося журнала, въ статьѣ «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала». Это былъ моментъ разъединенія среди русскихъ критиковъ. Однако нельзя думать, чтобы они расходились въ своихъ воззрѣніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ пунктахъ; и тѣ и другіе ратовали за романтизмъ, за германскую философію и вообще за германское вліяніе; и тѣ и другіе были противниками ложноклассицизма и французскаго вліянія; разъединеніе произошло единственно на почвѣ вопроса о *практическомъ приложеніи* принциповъ.

Мы видѣли уже изъ изложенія критическихъ воззрѣній В — а, къ чему стремился онъ. Онъ говорилъ, что Россіи нужна философія, какъ наука, что она вызоветъ самостоятельную дѣятельность русской мысли и укрѣпитъ ея *самобытное* развитіе, что философія разовьетъ въ русскомъ обществѣ *самопознаніе*, критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, чего пока не достааетъ ему. Такимъ образомъ, необходимо, чтобы начала философіи были проведены въ сознаніе русскаго общества. Вотъ цѣль, которую долженъ преслѣдовать журналъ, по мнѣнію В — а.

Результатомъ всѣхъ этихъ преній было изданіе сторонниками веневетиновскаго проэкта альманаха «Мнемозина». Альманахъ былъ слишкомъ серіозенъ для того уровня умственнаго развитія, на которомъ стояло общество въ его цѣломъ, и потому успѣха не имѣлъ: у него было всего только 157 подписчиковъ. Издателямъ «Мнемо-

¹⁾ Барс. I, 218.

²⁾ Барс. I, 297.

³⁾ Полевой былъ изъ купеческаго сословія.

зины» пришлось волею-неволею сложить оружіе передъ ловкимъ, практическимъ издателемъ «М. Т.». По поводу фіаско, понесеннаго издателями «Мнем.», находимъ у г. Иванова слѣдующаго рода глубоковѣрное замѣчаніе: «Такова судьба даровитѣйшихъ шеллингянцевъ. Они дурно справляются съ превратностями литературнаго поприща и еще неудачнѣе ведутъ себя какъ просвѣтители публики. Они не понимаютъ и не знаютъ своихъ читателей. Они слишкомъ аристократичны, не по убѣжденіямъ и еще менѣе сословнымъ предразсудкамъ, а по приѣмамъ дѣятельности. Они—господа, говорящіе толпѣ умныя рѣчи съ балкона и способные придти въ ужасъ при одной мысли спуститься на улицу и сойтись лицомъ къ лицу съ своими слушателями. Естественно, слушатели остаются совершенно равнодушными и къ рѣчамъ, и къ самимъ ораторамъ». ¹⁾ Въ этихъ словахъ вѣрно указана отличительная черта издателей «Мнем.» и будущихъ издателей «М. В.» Они прекрасно сознаютъ свое умственное превосходство надъ публикой и, искренно желая служить на пользу отечественнаго просвѣщенія, хотятъ *учить* ее; они хотять вести публику за собою, но отнюдь не хотять спуститься съ высоты универса до всѣмъ понятныхъ вещей, толкуютъ въ критикѣ о разныхъ сокровеннѣйшихъ тайнахъ вмѣсто того, чтобы говорить простымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ о Державинѣ, Пушкинѣ и иныхъ русскихъ писателяхъ; впадаютъ въ сухой, педантичный тонъ; не желаютъ снизойти до понятій публики; отнюдь не хотять угождать ея требованіямъ.—Полевой, напротивъ того, сразу попалъ въ *тонъ* публикѣ, сразу разгадалъ ея запросы: онъ былъ почти одного съ нею уровня умственнаго развитія, и не стремился стать выше ея; всегда первымъ и непремѣннымъ условіемъ журнала ставилъ разнообразіе и вмѣстѣ съ тѣмъ легкость и занимательность статей — качества, на которыя такъ падка публика средняго умственнаго развитія и до сихъ поръ—что же было въ 20-хъ—30-хъ годахъ? Вотъ гдѣ причины неуспѣха издателей «Мнем.» и успѣха Полевого.

Катастрофа, постигшая «Мнемозину», впрочемъ, не обезкуражила ея издателей. Погодинъ издалъ альманахъ «Уранію», въ которомъ, какъ, впрочемъ, и въ предыдущемъ, принялъ участіе и Пушкинъ. Успѣхъ «Ураніи» сравнительно съ «Мнемозиной» ободрилъ какъ

¹⁾ Ист. р. врил., 421.

Погодина, такъ и его друзей. «Погодинъ и В—овъ составили планъ изданія другого литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ «Гермесъ»¹⁾).

Но въ это время, именно 8 сентября 1826 года, является въ Москву А. С. Пушкинъ. Сблизившись благодаря родственнымъ, хоть и отдаленнымъ, связямъ съ семействомъ В—ыхъ, П—ъ простеръ свое благосклонное вниманіе къ молодому критику и поэту до того, что 10 сентября читалъ въ домѣ В—ыхъ своего «Бориса Годунова». На этомъ же вечерѣ рѣшилась участь альманаха Гермесъ. «Альманахъ не надо издавать» сказалъ П—ъ «пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а послѣ станемъ издавать журналъ»²⁾. Результатомъ сближенія В—а и его друзей съ П—ымъ было основаніе журнала «Московскій Вѣстникъ», подъ редакціею М. П. Погодина.

Журналъ сталъ выходить съ 1827 года. Цѣлью журнала было «опираясь на твердыя начала философіи, представить ей (т. е. Россіи) полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе»³⁾. Слова эти взяты нами изъ статьи Д. В—а, «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», дававшей программу будущаго журнала⁴⁾. Вообще онъ былъ душою всего дѣла: онъ сообщилъ журналу его направленіе, онъ намѣтилъ его будущую программу; и ему же обязанъ былъ журналъ сотрудничествомъ П—а. А послѣднее обстоятельство было весьма важно, потому что, если журналъ и просуществовалъ до 1830 года, то, вѣроятно, «благодаря многочисленнымъ вкладамъ поэта, которые составляли въ этомъ изданіи главную привлекательную силу для читателей»⁵⁾.— По нашему подсчету, П—ъ напечаталъ въ «М. В.» за все время его существованія 29 стихотвореній, отрывокъ изъ «Бор. Год.», отрывокъ изъ «Графа Нулина» и два отрывка изъ «Евг. Онѣг.»— Характеръ этого журнала таковъ же, каковъ у «Мнемозины». Про него Языковъ говорилъ:

---

¹⁾ Барс. II, 38.

²⁾ Барс. II, 42.

³⁾ Соч. В—а, 168.

⁴⁾ Содержаніе ея см. выше въ изложеніи критич. взглядовъ Д. В—а.

⁵⁾ Л. Майковъ „Историко-литературные очерки“, стр. 178.

„Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ“¹⁾...

Издатели «М. В.» увлекались нѣмецкою философіею съ Шеллингомъ во главѣ, а изъ поэтовъ — Гёте, подъ покровительство котораго редакція прямо ставила свое изданіе²⁾. Г. Весинъ въ книгѣ «Очерки исторіи русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ» даетъ слѣдующую вѣрную, но несовсѣмъ полную, по нашему мнѣнію, характеристику «М. В.»: «Главное достоинство этому журналу сообщили статьи самого издателя и его сотрудника Шевырева. Встрѣчались въ немъ также статьи Снегирева, Востокова, Кеппена, Калайдовича, Строева и другихъ современныхъ почтенныхъ дѣятелей. Во главу угла въ своемъ журналѣ Погодинъ старался поставить безпристрастіе, которое, между прочимъ, доказалъ, помѣстивши въ немъ ожесточенныя нападки Арцыбышева на исторію Карамзина и возраженія защитниковъ послѣдняго. Въ журналѣ помѣщено было много хорошихъ статей историческаго и историко-литературнаго содержания, былъ значительно развитъ отдѣлъ критики, находившейся преимущественно въ рукахъ самого издателя и Шевырева. Замѣчательны были въ немъ повѣсти издателя, отличавшіяся близостію къ жизни, естественностію, наблюдательностію и народнымъ началомъ, которое, пробившись нѣсколько сильнѣе и дѣйствуя продолжительнѣе могло бы сдѣлать изъ автора замѣчательнаго беллетриста съ народнымъ оттѣнкомъ. Въ журналѣ помѣщалось очень много стихотвореній, принадлежавшихъ самымъ замѣчательнымъ русскимъ поэтамъ, начиная съ П—а. Онъ отличался безпристрастнымъ взглядомъ на современное общество. Похвально въ издателѣ было также стремленіе къ ознакомленію общества съ трудами лучшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, имена которыхъ постоянно фигурировали въ его журналѣ при разборѣ тѣхъ или другихъ произведеній иностранной литературы. Помѣщались въ журналѣ также историческіе матеріалы и значительно былъ развитъ отдѣлъ смѣси»³⁾. «Журналъ хорошо понималъ значеніе новыхъ русскихъ поэтовъ и съ величайшимъ уваженіемъ относился къ Пушкину и Жуковскому. Онъ не держался

1) Собр. стих., или Соч. П—а, VIII, 350.

2) См. М. В. за 1828 годъ; также соч. П—а, письмо къ Погодину 1 іюля 1828 года

3) Стр. 15.

крайнихъ воззрѣній ни романтизма, ни классицизма. Это былъ журналъ, такъ сказать, эклектическій. Онъ былъ проникнутъ духомъ искренней любви къ отечеству и ко всему, что было связано съ его пользою. Это былъ журналъ честный и благородный. Въ немъ было много таланта, ума и знанія¹⁾. Однако журналъ не пользовался сочувствіемъ публики, несмотря на всѣ свои достоинства. Отчего же это происходило? Опредѣляя характеръ «М. В.» г. Весинъ не указалъ на одно обстоятельство, которое именно и сгубило его. Дѣло въ томъ, что и содержаніе статей, помѣщавшихся въ этомъ журналѣ, было слишкомъ серьезно для средняго круга читателей, да и самая манера изложенія слишкомъ суха, педантична и часто черезчуръ отвлеченна. Вотъ сужденіе Бѣлинскаго о «М. В.», дополняющее характеристику г. Весина и ярко выдвигающее на видъ причины, сгубившія журналъ: «М. В.» имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало, смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы, столкновенія мыслей и мнѣній онъ вздумалъ наблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ и, полный дѣльными и учеными статьями, былъ тощъ рецензіями и полемикою, кои составляютъ жизнь журнала, былъ бѣденъ повѣстями, безъ коихъ нѣтъ успѣха русскому журналу, и, что всего ужаснѣе, не вѣлъ подробной отчетливой лѣтописи модъ и не прилагалъ модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ русскому журналисту. Что жъ дѣлать? Безъ маленькихъ и повидимому пустыхъ уступокъ»—а ихъ «М. В.» никогда не позволялъ себѣ, никогда не хотѣлъ *снизойти* до нихъ, считалъ ихъ *унизительными* для себя, для своей солидности—«нельзя заключить выгоднаго мира. «М. В.» *былъ мишень современности*, и теперь (т. е. въ 1834 году) его можно читать какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не былъ»²⁾.

Намъ нѣтъ здѣсь мѣста распространяться болѣе объ этомъ журналѣ. Поэтому, тѣхъ, кто желаетъ провѣрить справедливость выс-

¹⁾ Весинъ „Оч. ист. р. журн. 20-хъ и 30-хъ год.“ СПб. 1831, стр. 16.

²⁾ Соч. Бѣл., т. I, 102—3 („Литерат. мечт.“).

казаннаго нами сужденія о немъ, мы вынуждены отослать къ самому журналу ¹⁾. Цѣли, представлявшіяся «М. В.», въ общемъ должны быть извѣстны читателю изъ даннаго выше изложенія критическихъ воззрѣній Д. В.—а и его статьи «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала». И, надо замѣтить, онѣ строго, неуклонно преслѣдовались издателями до самого конца журнала. Намъ же представляется теперь вопросъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ къ этому журналу П—ъ, что привлекло его къ сотрудничеству въ немъ, и насколько велико было вліяніе этого журнала на П—а, если только таковое было.

Еще находясь въ Михайловскомъ, П—ъ мечталъ объ основаніи *своею* журнала. Онъ печаталъ свои произведенія въ «М. Т.», но не особенно благоволилъ къ его издателю. Въ письмахъ П—а къ другу его, князю Вяземскому, за время, предшествующее основанію «М. В.» мы постоянно встрѣчаемъ выраженія неудовольствія и неудовлетворенности Полевымъ и его журналомъ. Въ іюнѣ 1825 года онъ пишетъ: «*Ему (т. е. Полевому) случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихоть искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!— Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи - то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando innamorato? Какъ можно писать такъ наобумъ!*» ²⁾. Въ томъ же мѣсяцѣ: «*Телеграфъ* человекъ порядочный и честный, но *вракъ и невѣжда*» ³⁾. 10 августа 1825 года: «Сейчасъ прочелъ антикритику Полевого. Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ!» И тутъ же черезъ строку прибавляетъ:

---

¹⁾ Роль М. В. въ исторіи русской литерат. и русск. просвѣщенія не разъ разъяснялась въ нашихъ историко-литерат. сочин. См., напр., у Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, у Пятковского въ біографіи Д. Веневитинова, у Бѣлинскаго въ соч., у г. Весина въ указанной выше книгѣ, кое-что у Чернышевскаго въ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ и въ „Критическихъ статьяхъ“, въ энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, въ книгѣ Ив. Иванова, у Анненкова въ его „Матеріалахъ“ (преимущ. по отношенію къ Пушкину), у Л. Майкова, въ его „Историко-литерат. очеркахъ“ и друг.

²⁾ Соч. П—а, т. VІІІ, 34—5.

³⁾ Ibid., VІІІ, 35.

«Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а пока-мѣстъ смотри хоть за Полевымъ» ¹⁾. Въ 1826 году въ письмѣ отъ 9 ноября П—ъ говоритъ: «Издатель долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ» ²⁾. Въ томъ же году, въ іюнѣ: «Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ» ³⁾.—Въ письмѣ къ Рылѣву отъ 30 ноября 1825 года читаемъ: «Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо» ⁴⁾.

Итакъ, П—ъ не доволенъ «Телеграфомъ», и его неотступно преслѣдуетъ мысль основать свой журналъ. Онъ, впрочемъ, хотѣлъ быть только вдохновителемъ журнала, но отнюдь не хотѣлъ брать на себя редакторскихъ обязанностей во всей ихъ полнотѣ. «Мы» пишутъ онъ кн. Вяземскому «слишкомъ лѣнивы, чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это—черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ» ⁵⁾. Но чѣмъ же былъ доволенъ П—ъ въ журналѣ Полевого? Какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ, главнымъ образомъ литературною критикою. Еще въ замѣткѣ, относящейся къ 1824 году, онъ писалъ: «Исключая тѣхъ, которые занимаются сплетнями литературными, у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ» ⁶⁾. Въ письмѣ 1825 года 21 марта къ Рылѣву читаемъ: «...у насъ не достаетъ критики... Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?... Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ, ...не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. — Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и

---

¹⁾ Соч. П—а, VIII, 39.

²⁾ Соч. П—а, VIII, 54.

³⁾ Ibid., 49.

⁴⁾ Ibid., 204.

⁵⁾ Ibid., 54 (письмо отъ 9 нояб. 1826 года).

⁶⁾ Соч. П—а, IX, 69.

ты остры и забавны—вот и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика?» ¹⁾).

Какъ въ послѣднемъ письмѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ изъ выше-приведенныхъ, П—ъ очень нелестно отзывается о всѣхъ наиболѣе видныхъ въ то время журналистахъ. Въ этомъ пунктѣ онъ вполне сходится съ Д. В — ымъ, который, по выходѣ въ свѣтъ первой книжки «М. В.», писалъ Погодину (7 января 1827 года): «Главное отнять у Булгариныхъ ихъ вліяніе» ²⁾. «Предубѣжденіе П — а противъ Полевого» справедливо говоритъ Л. Майковъ «шло такъ далеко, что онъ готовъ былъ предпочесть ему въ качествѣ редактора мелкую въ литературномъ смыслѣ личность Н. В. Сущкова или даже своего Кипишевскаго знакома Завальевскаго, вовсе не извѣстнаго на поприщѣ словесности» ³⁾. — Да и позднѣе П—ъ не оставилъ своего взгляда на издателя «М. Т.»; напримѣръ, въ 1830 году написалъ онъ извѣстныя «Дѣтскія сказочки», и въ одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Вѣтранный мальчикъ», аллегорически изобразилъ Полевого.

Въ то время какъ П—ъ находился въ такомъ положеніи, Баратынскій писалъ ему въ одномъ изъ писемъ (1826 годъ): «Надо тебѣ сказать, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю нѣмецкихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ шитику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкою эстетикою. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философически. Впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ? Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову» ⁴⁾. Такимъ образомъ, мы видимъ, что П — ь былъ предупрежденъ о томъ, что встрѣтитъ въ Москвѣ молодыхъ шеллингианцевъ; и, если припомнить съ какимъ уваженіемъ отзывался П — ь о критической статьѣ Д. В—а по поводу «Евг. Онѣг.», то, естественно, будетъ предпо-

¹⁾ Соч. П—а, VIII, 197—8.

²⁾ Барсуک., II, 76.

³⁾ Л. Майковъ, 169.

⁴⁾ Сочин. Барат., Казань, 84 годъ, 505.

жить, что онъ долженъ былъ съ довѣренностью отнести къ его друзьямъ,—его единомышленникамъ. П—ъ могъ ожидать, что молодые шеллингианцы дадутъ въ своемъ журналѣ настоящую литературную критику, какой онъ такъ жаждалъ. Какъ бы то ни было, П—ъ по приѣздѣ въ Москву, сойдясь съ молодыми шеллингианцами, принялъ самое живое участіе въ ихъ планахъ о журналѣ.

Какъ извѣстно, къ этому времени литературныя обсуждения П-а уже сложились, но сложились—замѣтимъ—вполнѣ самостоятельно, путемъ изученія классическихъ писателей Западной Европы и богатствъ русскаго народнаго творчества, чѣмъ онъ съ такимъ увлеченіемъ занимался въ своей ссылке. Не лишнее здѣсь припомнить, что еще въ Михайловскомъ написанъ «Разговоръ поэта съ книгопродавцемъ», въ которомъ проводятся въ сущности тѣ же идеи, какіе найдемъ позднѣе въ «Черни» и однородныхъ съ нею стихотвореніяхъ: разница будетъ только въ тонѣ: въ однихъ стихотвореніяхъ онъ рѣзче и страстнѣе, въ другихъ спокойнѣе и умѣреннѣе.

Академикъ Майковъ приводитъ свидѣтельство М. П. Погодина, что П-ъ «видно досадовалъ, что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли» ¹⁾. Это замѣчаніе весьма важно. Не умѣя самъ вполнѣ ясно выразить свои литературныя цѣли и убѣжденія, по крайней мѣрѣ, въ критической статьѣ, П-ъ долженъ былъ съ особенною радостью ухватиться за молодыхъ шеллингианцевъ, у которыхъ онъ находилъ эстетическія воззрѣнія, совпадавшія съ его собственными взглядами на искусства и поэзію. Отъ нихъ могъ онъ ждать—и только отъ нихъ—того «уложенія вкуса», котораго тщетно искалъ въ критическихъ статьяхъ другихъ журналистовъ. И собственно говоря, «М. В.» по части литературной критики, если и не вполнѣ, то въ весьма значительной степени оправдалъ возлагавшіяся на него надежды, и если вполнѣ въ П-ъ мало-по-малу стали отдаляться отъ журналовъ, то во всякомъ случаѣ уже не потому, чтобы его литературныя убѣжденія шли въ разрѣзъ съ такими же убѣжденіями «М. В.», а совсѣмъ по инымъ причинамъ. Уже въ первой книжкѣ «М. В.» напечаталъ статью Шевырева «О возможности найти единый законъ для изящнаго». Затѣмъ, достаточно будетъ указать здѣсь на статью Ив. Кирѣевскаго «Нѣчто о

¹⁾ Л. Майковъ, 184.

характеръ поэзіи Пушкина», какъ на ближе другихъ касающуюся занимающихъ насъ 'отношеній между журналомъ и П-ымъ. Высоко цѣня талантъ П-а, «М. В.» давалъ въ этой статьѣ, какъ и въ другихъ статьяхъ, посвященныхъ характеристикѣ П-а и другихъ выдающихся русскихъ поэтовъ, именно такую критику, какой требовалъ П-ъ. Во то время, какъ прочіе журналы ограничивались въ своихъ «критическихъ» статьяхъ или рядомъ восклицаній по адресу «критикуемаго» писателя, бранчливыхъ или хвалебныхъ, или же въ лучшемъ случаѣ—ограничивались простыми придирадками къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ и словамъ, критикуя ихъ преимущественно съ грамматической точки зрѣнія, Кирѣевскій въ упомянутой статьѣ давалъ характеристику творчества П-а, показывая развитіе его художественнаго таланта, намѣчая три главныхъ момента: періодъ итальянско-французскій, байроническій и русско-пушкинскій. Въ первомъ періодѣ, къ которому относится «Русланъ и Людмила», П-ъ только поэтъ, «передающій чисто и вѣрно внушенія своей фантазіи», во второмъ онъ уже поэтъ-философъ, что обнаруживается въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Евг. Онѣг.», гдѣ находимъ *современныхъ* людей съ ихъ пустотою и прозою, и въ третьемъ періодѣ, который открытъ появленіемъ на свѣтъ «Бориса Годунова», этого одного изъ знаменій поэзіи русскопушкинской,—поэзія П-а становится безусловно самостоятельной, національной.—Въ статьѣ своей Ив. Кирѣевскій, можно сказать, вполне слѣдовалъ завѣту Д. В-а, который говорилъ: «Я раздѣляю вообще поэтовъ на два класса: на хорошихъ и дурныхъ; *хорошихъ читаю, перечитываю, и стараюсь опредѣлить себѣ ихъ характеръ*; дурныхъ кладу въ сторону.» ¹⁾—Такой же характеръ, какимъ отличается статья Ив. Кирѣевскаго, носятъ на себѣ и другіе критическіе разборы «М. В.», хотя, конечно, далеко не всѣ они такъ умны и талантливы.

Опредѣляя причины, вызвавшія союзъ П-а съ шеллингистами, академикъ Л. Майковъ указываетъ на «ихъ честный образъ мыслей, изъ умъ, даровитость и въ особенности ихъ искреннюю, безкорыстную преданность интересамъ литературы и искусства ²⁾». «Честный образъ мыслей», «искренняя, *безкорыстная* преданность интересамъ

¹⁾ Соч. Д. В-а, 221.

²⁾ Историко-литер. очерки, 171.

литературы и искусства,» были, конечно, весьма важны въ глазахъ П-а. Извѣстна продажность значительной части тогдашнихъ журналистовъ, служившихъ исключительно мамонѣ, ничѣмъ не стѣснявшихся для достиженія низменныхъ своихъ цѣлей (доносы тайные etct.), руководившихъ въ своихъ сужденіяхъ даже о чистолитературныхъ, казалось бы намъ, вопросахъ—исключительно своекорыстными расчетами (Булгаринъ и К^о); извѣстна также страсть части нашихъ критиковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ въ чистолитературныхъ спорахъ сводить дѣло на личности, прибѣгать къ неблаговиднымъ намекамъ для *устрашенія* противника—это отнюдь не было въ ихъ глазахъ предосудительнымъ и, дѣйствительно, было дѣломъ самымъ обычнымъ, зауряднымъ; вспомнимъ, напримѣръ, какой выходкой ознаменовалась со стороны Каченовскаго полемика между его «Вѣстникомъ Европы» и «М. Т.» ¹⁾ Въ «Критическихъ замѣткахъ» (1830—31 года) П-ъ говорить: «...оскорбленія личныя и клеветы нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенны.» ²⁾ Однако на то же самое жаловался П-ъ еще и въ 1824 году. Письмо къ издателю «Сына Отечества» начинается такъ: «Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случилось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, *часто непристойныя*, инья не заслуживали никакого вниманія; на другія издамъ ³⁾ отвѣчать было не возможно.» ⁴⁾ И въ 1829 году П-ъ свидѣтельствуешь, что «въ критикахъ собственно литературныхъ» мы нерѣдко слышимъ то «брюзгливое ворчаніе какого-нибудь стараго педанта», то «непристойныя крики пьянаго семинариста» ⁵⁾. Онъ въ «Литературной газетѣ» помѣстилъ даже замѣтку «О личностяхъ въ критикѣ», гдѣ ярко показали, къ какимъ абсурдамъ приходятъ критики, руководящіеся въ своихъ сужденіяхъ о чистолитературныхъ предметахъ личными расчетами. ⁶⁾

П-ъ никогда не могъ спокойно переносить рѣзкаго, грубаго тона, неумѣнія высказать свое мнѣніе въ спокойной формѣ, вполнѣ «при-

¹⁾ См. объ этомъ въ' соч. Пушкина, IX, 205—213 или у Чернышевскаго „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ и въ другихъ книгахъ.

²⁾ Соч. П-а, IX, 91.

³⁾ Курсивъ въ подлин., выше намъ.

⁴⁾ Соч. П-а, IX, 175.

⁵⁾ Соч. П-а, IX, 207. Намекъ на Каченовскаго и Надеждина.

⁶⁾ Соч. П-а, IX, 252—3.

личной». Это было въ его глазахъ непростительнымъ недостаткомъ. Онъ самъ сказалъ: «то же бы ты слово, да не такъ бы молвилъ ¹⁾».

Онъ всегда требовалъ отъ критики благородства въ выраженіяхъ. Онъ самъ былъ аристократъ, и все вульгарное чрезвычайно покировало его. Онъ, напримѣръ, никакъ не можетъ не упрекнуть Надеждина за «лакейскій тонъ» его статейкъ, за плоскость его шутокъ ²⁾, хотя Надеждина нельзя заподозрить въ честности побужденій, и хотя онъ самъ признаетъ, что критики Надеждина написаны «съ живостью, а иногда съ краснорѣчіемъ» ³⁾. Пушкинъ записалъ о Надеждинѣ: «онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ онъ поднималъ платокъ, мною уроненный» ⁴⁾. Однимъ словомъ, П-а шокировали плебейскія привычки Надеждина. Ничего подобнаго П-ъ, конечно, не рисковалъ встрѣтить среди издателей «М. В.». Они почти все были такіе же чистокровные аристократы, какимъ былъ Пушкинъ, а если кто и не былъ аристократомъ по природѣ, то зналъ «хорошій тонъ». Это засвидѣтельствовано даже самимъ П-ымъ, который говорилъ, что издатели «М. В.» доказали, что имъ еродно чувство приличія» ⁵⁾.—Мы указывали выше (приводя слова г. Иванова), въ какомъ смыслѣ надо называть аристократами издателей «М. В.» Въ такомъ же смыслѣ надо прилагать это названіе и къ П-у. Такого именно аристократизма и требовалъ П-ъ въ литературныхъ обычаяхъ какъ видно изъ его сочиненій ⁶⁾.

Итакъ, къ указаннымъ г. Майковымъ условіямъ, способствовавшимъ союзу Пушкина съ «М. В.», мы присоединяемъ еще, помимо сходства эстетическихъ возрѣній, аристократизмъ членовъ Венеитиновскаго кружка, въ указанномъ выше смыслѣ этого слова.

Привлекала къ сотрудникамъ «М. В.» П—а и ихъ стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ, не доходившая, впрочемъ, никогда до фанатизма, предубѣжденія, чѣмъ такъ прославился въ свое время изда-

¹⁾ Соч. П—а, „Объ исторіи русск. нар. Полевого“, IX, 228.

²⁾ Ibid., т. IX, 214 (1829 годъ).

³⁾ Ibid, IX, 147.

⁴⁾ Ibid. IX, 147.

⁵⁾ Соч. П-а, IX, 228.

⁶⁾ Помимо сдѣл. въ этомъ смыслѣ указ. выше, см. также въ „соч. П-а“ IX, 95, 109—110, 255, 228, 261 и т. д.

тель «М. Т.»¹⁾. Могла привлекать его къ нимъ и ихъ самостоятельность въ мнѣніяхъ, свобода мысли. Всѣ эти качества, вообще обладающія притягательною силою, П-ъ ставилъ весьма высоко.²⁾ Ничего подобнаго въ другихъ журналистахъ того времени—кромѣ только Полевого въ началѣ его дѣятельности, но къ нему П-ъ не благоволил—найти было нельзя.

Наконецъ сходились члены Веневитиновскаго кружка съ П-ымъ и въ уваженіи къ народной словесности, къ родной старинѣ и въ серьезныхъ занятіяхъ этими предметами.

Такимъ образомъ, привлекали П-а къ московской молодежи причины самого общаго характера, имѣвшія мало общаго въ своей сущности съ германскою философіею. И къ ея философствованіямъ П-ъ относился всегда весьма сдержанно. Его натура была вообще слишкомъ страстна, подвижна и жизненна для того, чтобы онъ могъ сочувствовать отвлеченнымъ философскимъ занятіямъ. Любопытно въ этомъ отношеніи припомнить свидѣтельство М. П. Погодина, который записалъ въ своемъ дневникѣ (за 1827 годъ), что, когда онъ заходилъ къ Пушкину, тотъ даже «декламировалъ противъ философіи»³⁾.

Итакъ, въ 1827 году сталъ въ Москвѣ издаваться новый журналъ «Московскій Вѣстникъ».

Любопытно сопоставить отзывъ Д. В-а и отзывъ П-а о немъ вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первыхъ книжекъ. В-овъ, переѣхавшій уже въ то время въ Петербургъ, писалъ Погодину: «Публика ожидаетъ отъ него (т. е. отъ журнала) статей дѣльныхъ и даже безъ всякой примѣси этого вздора, который украшаетъ другіе журналы. Говорю это рѣшительно; потому что вслушивался съ намѣреніемъ во всѣ толки о «Московскомъ Вѣстникѣ». Двѣ книжки кажутся немногимъ бѣдными, особенно первая, а вотъ тому причины: во-первыхъ,

---

¹⁾ Объ немъ см. у Чернышевскаго „Очерки Гогол. періода рус. лит.“, у Ив. Иванова „Ист. рус. крит.“ и въ другихъ книгахъ.

²⁾ Онъ, напримѣръ, въ особую честь вмѣнялъ Баратынскому, что тотъ „шелъ своею дорогою одинъ и не зависимъ“. См. Соч. П-а, IX, 61.

³⁾ Барсукъ., II, 71.

мало листовъ, во вторыхъ, слишкомъ крупны статьи. Наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій»¹⁾.

Пушкинъ тоже не былъ удовлетворенъ, но отзывъ его радикально противоположенъ отзыву Д. В-а. Онъ писалъ тому же Погодину (въ 1827 году, 31 августа): «Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ (т. е. въ журналѣ) слишкомъ мало вздору... Кстати о повѣстяхъ: они должны быть непременно существенной частью журнала, какъ моды у «Телеграфа». У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка «Переправа» въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глушою. Чувствуете разницу? «Московскій Вѣстникъ», по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ «Телеграфѣ» похвально одно трудолюбіе, а хороши одни статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ «Телеграфѣ» отдамъ три дѣльныя статьи «М. В.». Его критика, положимъ, несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслить, сердить и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста».²⁾ Правда была на сторонѣ Пушкина. Онъ вѣрно подмѣтилъ слабыя стороны новаго журнала: Пушкинъ былъ гораздо ближе къ пониманію практической жизни, чѣмъ его товарищъ, идеалистъ - философъ. Къ чести Погодина надо сказать, что онъ принялъ въ соображеніе замѣчанія Пушкина: отдѣлъ повѣстей значительно былъ расширенъ, въ началѣ же онъ совсѣмъ почти игнорировался—въ самыхъ первыхъ книжкахъ его даже совсѣмъ не было.

На первыхъ порахъ П-ъ очень близко съ сердцу принималъ судьбу новаго журнала. 31 іюля 1827 года онъ пишетъ, на примѣръ, Дельвигу: «...у меня на рукахъ «Московскій Вѣстникъ», и я не могу его оставить на произволъ судьбы».³⁾ Осенью того же года

¹⁾ Барсукъ, II, 76.

²⁾ Соч. П-а VIII, 346—7.

³⁾ Соч. П-а VIII, 164.

его редактору: «Что вы дѣлаете? Что нашъ «Вѣстникъ»? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина на шапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ-подъ цензуры; коль скоро получу, перешлю къ вамъ»¹⁾. Онъ старается привлечь къ участию въ журналѣ своихъ друзей Въ 1826 году 21 ноября пишетъ Языкову: «Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ «Моск. Вѣстникѣ», слѣдственно и вы также... Непремѣнно будьте же нашъ»; и тутъ же выражаетъ сѣтованіе по поводу отказа князя Вяземскаго оставить «М. Т.» и перейти въ «М. В.». «Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ «Телеграфу» — жаль, но что-жъ дѣлать?»²⁾ Точно также и въ письмѣ къ самому кн. Вяземскому (9 ноября 1826 года) находимъ слѣдующія строки: «Я ничего не говорилъ тебѣ о твоёмъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно»³⁾.

Когда на Погодина находили сомнѣнія и онъ начиналъ отчаиваться въ успѣхѣхъ журнала, П-ъ неизмѣнно являлся его утѣшителемъ. Въ 1828 году (1 іюля) онъ пишетъ Погодину: «Московский Вѣстникъ», конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси; должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. — Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина, и Федорова... Впередъ! и да здравствуетъ «Московский Вѣстникъ»! Растолковали ли вы «Телеграфу», что онъ дуракъ?...»⁴⁾. Если П-ъ и позволяеть себѣ упрекнуть редактора, то упреки его самага благодушнаго, незлобиваго характера, которые скорѣе подстрекнуть ослабѣвающую энергію, чѣмъ отобьютъ послѣднюю охоту продолжать начатое дѣло. «Издатель журнала» говоритъ, напримѣръ, П-ъ Погодину «долженъ всё мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышомъ».⁵⁾ — И са-

¹⁾ Соч. П-а, VIII, 345.

²⁾ Ibid., VIII, 335.

³⁾ Ibid., VIII, 53.

⁴⁾ Ibid. VIII, 349.

⁵⁾ Соч. П-а, VIII, 347.

тому редактору журнала П-ъ даетъ весьма вѣрную характеристику: «Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности» ¹⁾).

Все это—и вполнѣ вѣрныя замѣчанія о «М. В.», и мѣткая характеристика его редактора, которая, сказать къ слову, съ полнымъ успѣхомъ приложима и къ всѣмъ прочимъ членамъ Веневитиновскаго кружка,—показываетъ, что П—ъ не только близко стоялъ къ журналу, но и хорошо понималъ его значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Это вполнѣ подтверждается и тѣмъ отзывомъ о русскихъ шеллингианцахъ, который далъ П—ъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ прекращенія «М. В.». Именно, въ 1836 году (въ статьѣ по поводу «Мнѣнія М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной») онъ писалъ между прочимъ:

«Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно» ²⁾. Здѣсь вѣрно указана роль русскихъ шеллингианцевъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Мы съ своей стороны прибавимъ только, что успѣхамъ общественнаго развитія они способствовали никакъ не проповѣдью германской философіи самой по себѣ, а историческими статьями, въ большомъ довольно количествѣ помѣщавшимися въ «Московскомъ Вѣстникѣ» и главнымъ образомъ литературною критикою.

Однако, съ какимъ живымъ сочувствіемъ ни отнесся П—ъ сначала къ «М. В.», вполнѣ справедливо замѣчаніе проф. Кирпични-

---

¹⁾ Соч. II—а, VIII, 320.

²⁾ Соч. II—а, IX, 431.

кова, что «въ его отношеніяхъ къ Московскому кружку нельзя не замѣтить нѣкоторой двойственности» ¹⁾).

Дѣйствительно, давши обѣщаніе редакціи «М. В.» печатать свои стихотворенія въ этомъ журналѣ ²⁾, и, какъ мы видѣли, называя даже журналъ своимъ ³⁾, онъ уже въ 1828 году подъ предлогомъ, что «М. В.» напечаталъ его отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» (подъ заглавіемъ «Москва» въ № 1 «Московского Вѣстника» за 1828 г.) съ непростительными ошибками позволилъ Булгарину перепечатать этотъ отрывокъ въ его «Сѣверной Пчелѣ» ⁴⁾).

Затѣмъ, будучи сотрудникомъ «М. В.», П—ъ въ то же время считаетъ своимъ долгомъ поддерживать изданіе своего *друга*, барона Дельвига, печатаетъ свои произведенія и въ его «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Напримѣръ, уже въ срединѣ 1827 года—годъ основанія «М. В.»—онъ пишетъ Дельвигу: «Вотъ тебѣ обѣщанная элегія ⁵⁾, душа моя. Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь... Если кончу «Посланіе» къ тебѣ о черещѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ ⁶⁾. Въ «Сѣверныхъ» же «Цвѣтахъ» напечатанъ въ 1828 году «Графъ Нулинъ».

Проф. Кирпичниковъ объясняетъ такую двойственность въ отношеніяхъ П—а къ «М. В.» слѣдующимъ образомъ: «Онъ (т. е. Пушкинъ) вполне сочувствовалъ его серьезному взгляду на литературу, его убѣжденію въ правѣ искусства на безграничную свободу и желанію низвергнуть господство французскаго вкуса, но онъ вовсе не хотѣлъ подчинять нашу юную словесность философскимъ нѣмецкимъ теоріямъ (которыя онъ и понималъ неясно)» ⁷⁾. Къ указанной здѣсь главной причинѣ охлажденія П—а къ «М. В.» надо присоединить еще и другія, хотя и не столь глубокія, но коренившіяся въ самой натурѣ поэта.—Всѣмъ извѣстно, что дружба для П—а была чѣмъ-то святымъ, религіознымъ, что онъ подъ ея вліяніемъ часто доходилъ даже

¹⁾ Энциклопед. Словарь, изд. Брокгаузъ и Ефронъ, полут. 50, 839.

²⁾ См. въ „М. В.“ объявл. о подписеѣ на 1828 г.

³⁾ См. выше стр. 72—73, а также стр. 64—65.

⁴⁾ Подробности см. у Барсука, II, 181 стр. и слѣд.

⁵⁾ „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“.

⁶⁾ Соч. П—а, VIII, 163—4.

⁷⁾ Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, полут. 50, стр. 839.

до пристрастія въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ, что иной разъ въ поэтѣ онъ любилъ и защищалъ только своего друга, хотя, какъ справедливо замѣчаетъ академикъ Л. Майковъ, это происходило, «конечно, только по его добродушію, а не по односторонности или ограниченности его литературнаго пониманія» ¹⁾. А между тѣмъ нѣкоторые изъ сотрудниковъ «М. В.» не чествовали иныхъ изъ друзей П—а. Такъ, П—ъ никакъ не могъ переварить того, что Шевыревъ не признавалъ поэзіи Баратынскаго. Въ 1828 году (19-го февраля) въ письмѣ къ Погодину, очевидно, по прочтеніи статьи Шевырева о Баратынскомъ, напечатанной въ первой книжкѣ «М. В.» за этотъ годъ, П—ъ говоритъ съ горечью: «Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья» ²⁾. Точно также Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуетъ, что П—ъ «досадовалъ на московскихъ литераторовъ за то, что они разбрали «Андромаху» Катенина, хотя «Андромаха» эта довольно была плохая вещь» ³⁾. П—ъ не только не раздѣлялъ такого взгляда на Катенина и его произведенія, а держался прямо, можно сказать, диаметрально противоположнаго этому мнѣнія. Онъ очень высоко ставилъ литературные таланты Катенина и даже рѣшался утверждать, что «изъ нашихъ Шлегелей одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе попугаи или сороки низовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную» ⁴⁾. Онъ одинъ, по мнѣнію П—а, правильно понималъ правила драматическаго искусства, а объ «Андромахѣ», которую такъ безпощадно «разбрали московскіе литераторы», онъ писалъ (въ 1830 году), что это—«можетъ быть лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому» ⁵⁾. Не по сердцу, вѣроятно, были П—у и возраженія на статьи князя Вяземскаго, сотрудника «М. Т.», не разъ появлявшіяся на страницахъ «М. В.». Хотя П—ъ далеко не всегда соглашался съ мнѣніями князя Вяземскаго, однако очень высоко цѣнили его.

Мы видѣли уже, что въ одномъ изъ писемъ къ Погодину онъ прямо заявлялъ, что «за одну статью Вяземскаго въ «Телеграфѣ»

¹⁾ „Историко-литер. очерки“, 184.

²⁾ Соч. П—а, VIII, 348.

³⁾ Л. Майковъ „Истор.-лит. очерки“, 166.

⁴⁾ Письмо къ Плетневу, 1831 г. 7 января (соч. П—а, VIII, 313).

⁵⁾ Соч. П—а, IX, 283.

отдасть три дѣльныхъ статьи «Московского Вѣстника» ¹⁾. И въ 1830 году въ замѣткѣ «О статьяхъ князя Вяземскаго» находимъ такія строки: «Критическія статьи князя Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить» ²⁾.

Вотъ на почвѣ всѣхъ этихъ данныхъ и создавалось недовольство П—а «Московскимъ Вѣстникомъ», откуда и двойственность его отношеній къ этому журналу. Въ 1830 году, когда была основана «Литературная Газета», онъ помѣстилъ въ ней даже полемическую замѣтку, направленную противъ «М. В.» ³⁾.

Уже одно это двойственное отношеніе П — а къ журналу даетъ намъ право не довѣрять тому, что говоритъ Шевыревъ объ извѣстномъ стихотвореніи П—а «Чернь», напечатанномъ впервые въ «М. В.» (1829 годъ, № 1). По его словамъ, «П—ъ написалъ эту пьесу *подъ вліяніемъ* художественной теоріи Шеллинга, проповѣдовавшей освобожденіе искусства, и съ которою П—ъ познакомился въ кружкѣ Веневитинова» ⁴⁾. Однако, какъ мы уже указывали, къ такому взгляду на искусство и поэзію поэтъ пришелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, независимо отъ чужихъ критическихъ указаній,—еще въ свою бытность въ селѣ Михайловскомъ. Поэтому, мы вслѣдъ за академикомъ Майковымъ «рѣшительно отвергаемъ достовѣрность показанія Шевырева о происхожденіи «Черни» ⁵⁾. Не можетъ быть рѣчи о вліяніи теоріи московскихъ шеллингианцевъ о поэзіи и ея задачахъ на сужденія П—а объ томъ же предметѣ. Правда, поэтъ ратовалъ за ту же «нравственную свободу въ литературѣ» ⁶⁾, какую проповѣдывалъ Д. Веневитиновъ, а вмѣстѣ съ нимъ и прочіе сотрудники «М. В.», но тутъ было *простое совпаденіе* теоретическихъ убѣжденій, къ которымъ каждая сторона пришла независимо отъ другой, своимъ собственнымъ путемъ—не больше, какъ мы указывали уже и выше. Эстетическія убѣжденія П—а, сло-

¹⁾ Соч. П—а, VШ, 346.

²⁾ Ibid., IX, 243.

³⁾ Ibid., IX, 228, въ статьѣ „О исторіи русск. народа, Полевого“ (статья 2-я).

⁴⁾ Л. Майковъ, 178.

⁵⁾ Ibid., 179.

⁶⁾ Собр. соч. Д. В—а, 169.

жпвшіяся уже въ этому времени, весьма точно и вмѣстѣ съ тѣмъ сжато формулированы проф. Кирпичниковымъ: «Апоѳеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, доведенное до абсурда Шлегелями, у П. выразилось твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извнѣ наложенныхъ цѣлей и въ его высокогуманномъ вліяніи»¹⁾. Но къ такому убѣжденію П—ъ могъ прійти—и дѣйствительно пришелъ, какъ мы видѣли—и на основаніи простого изученія народной поэзіи и классическихъ писателей Западной Европы, чему онъ съ такимъ увлеченіемъ предавался со времени своей ссылки, особенно въ селѣ Михайловскомъ. Тутъ нѣтъ нужды видѣть вліяніе идей шеллингианцевъ—тѣмъ болѣе, что, какъ мы показали выше, П—ъ въ сущности не особенно благоволилъ къ нимъ, когда поспалъ первый пылъ увлеченія, и даже отдѣлился впоследствии отъ ихъ журнала, когда былъ основанъ литературный органъ его другомъ—«Литературная Газета» барона Дельвига, основанная въ 1830 году.

Что касается вопроса специально о «Черни», въ которой большинство прежнихъ нашихъ критиковъ и изслѣдователей исторіи отечественной литературы хотѣли видѣть цѣльное художественное profession de foi П—а, что и было исходной причиной ихъ неправильныхъ сужденій, то, намъ кажется, онъ вполне выясненъ академикомъ Майковымъ, и мы, не надѣясь изложить выводы, къ которымъ пришелъ уважаемый изслѣдователь, лучше его, рѣшаемся представить вниманію читателей громаднѣйшую выписку изъ его очерка: «О «Черни» у насъ было много писано; ее толковали на разные лады. Но кажется, главною ошибкой большинства критиковъ было то, что они (въ числѣ ихъ, очевидно, и Шевыревъ) искали въ Пушкинскомъ стихотвореніи того, чего и не думалъ давать авторъ, именно искали цѣльной художественной теоріи, и объяснивъ по своему найденное, одни одобряли мысль поэта, другіе осуждали ее.

Чтобы не выйти изъ предѣловъ мысли, намѣченныхъ авторомъ «Черни», слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что въ рукописи

---

¹⁾ Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона, полут. 50, 846—7; пли, А. Кирпичниковъ «Очерки по исторіи новой русской литературы», стр. 132; здѣсь послѣ слова *жизни* слѣдуетъ: «такъ сильно выраженные въ Вертерѣ и доведенныя до абсурда» и т. д., какъ и въ Словарѣ.

эта пьеса была названа «Ямбомъ», по примѣру «Ямбовъ» Андрея Шенье, то-есть, тѣхъ произведеній, въ которыхъ столь любимый Пушкинымъ французскій поэтъ бросалъ укоры и обличенія своимъ обезумѣвшимъ современникамъ. Тотъ же смыслъ жесткой сатиры имѣеть и «Чернь» русскаго поэта: въ спорѣ между толпою и цѣвдомъ П—ъ изображаетъ два различные взгляда на поэзію: одинъ— принадлежащій людямъ, не посвященнымъ въ тайны творчества, и другой—свойственный самому художнику. Сопоставленіе двухъ возрѣній естественно требовало, чтобы каждое изъ нихъ было очерчено въ краскахъ рѣзко различныхъ, чтобы, грубому требованію пользы было противопоставлено спокойное служеніе свободному вдохновенію. Между тѣмъ какъ въ желаніи толпы услышать смѣлые уроки звучитъ голосъ лицемѣрія, поэтъ отвѣчаетъ ей равнодушіемъ и презрѣніемъ и предпочитаетъ уйти въ свѣтлый, ему одному доступный міръ творчества. Таковъ смыслъ послѣднихъ четырехъ строкъ стихотворенія, тѣхъ самыхъ, которыя всего больше подвергались критическимъ пересудамъ. Въ упоминаніи «звуконъ сладкихъ и молитвъ» хотѣли видѣть убѣжденіе поэта, будто вся задача искусства заключается въ мастерствѣ изящнаго исполненія, въ художественной отдѣлкѣ формы. Но для того, чтобы признать, какъ далеко такое объясненіе отъ прямой мысли П—а, достаточно припомнить, что въ одинъ годъ съ «Чернью» написаны имъ «Воспоминаніе» «26-е мая 1828 года» (Даръ напрасный, даръ случайный), «Предчувствіе», «Анчаръ», «Опричнникъ», «Полтава» и другія произведенія, въ которыхъ совершенство художественной формы сочетается съ глубокимъ нравственнымъ смысломъ. Такъ всегда было въ поэтической дѣятельности П—а послѣ того, какъ онъ пережилъ періодъ раннихъ юношескихъ увлеченій. А между тѣмъ, обвиненіе въ безнравственности было однимъ изъ обычныхъ приѣмовъ нападенія, къ которымъ прибѣгали современные Пушкину критики, относившіеся къ нему враждебно.

Обвиненія такого рода начались еще очень давно, съ появленія «Руслана и Людмилы»; не прекращались они и во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, когда, по возвращеніи Пушкина изъ ссылки, различные обстоятельства обязывали его къ особой осторожности, чтобы не подвергаться новымъ стѣсненіямъ: это было время, когда онъ получалъ моральныя и литературныя наставленія даже отъ гра-

фа Бенкендорфа и оказывался въ необходимости оправдываться противъ выговоровъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что стихотвореніе «Чернь» есть именно отвѣтъ со стороны поэта его непризваннымъ, лицемѣрнымъ судьямъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ. Что Пушкинъ обращался въ немъ не къ народной черни, а къ пустой толпѣ свѣтской, это видно, между прочимъ, изъ любопытнаго разсказа Шевырева о чтеніи стихотворенія самимъ авторомъ въ салонѣ княгини Э. А. Волконской¹⁾. А Шевыревъ разсказываетъ по этому поводу вотъ что: «Будучи отерожененъ съ друзьями своими, не скрывая своихъ литературныхъ трудовъ и плановъ, радушно сообщая о своихъ занятіяхъ людямъ, интересующимся поэзіей, П—тъ терпѣть не могъ, когда съ нимъ говорили о стихахъ его и просили что-нибудь прочесть въ большомъ свѣтѣ. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературныя собранія поне-дѣльничныя; на одномъ изъ нихъ пристали къ Пушкину, чтобы прочесть. Въ досадѣ онъ прочелъ «Чернь» и, кончивъ, съ сердцемъ сказалъ: «Въ другой разъ не стану просить»²⁾.

Въ виду всего сказаннаго мы вмѣстѣ съ академикомъ Майковымъ охотно присоединяемся къ мнѣнію Н. Н. Страхова. «Говорятъ» пишетъ онъ «въ Москвѣ въ то время (въ половинѣ двадцатыхъ годовъ) начало распространяться нѣмецкое ученіе о великомъ значеніи поэтовъ, и нѣкоторые приписываютъ вліянію этого ученія тогдашнія высокоумѣрныя стихотворенія Пушкина. Кажется однако же, они могутъ быть объяснены тѣмъ, что совершалось тогда съ самимъ П—ымъ. Прямо изъ своей собственной жизни онъ вынесъ необходимость уединиться отъ народа»—мы бы сказали только: отъ публики, отъ «непризванныхъ, лицемѣрныхъ судей, какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ»,—а не отъ народа—«такъ или иначе перенести его равнодушіе и остаться самимъ собою. Съ нимъ случилось то самое, что онъ вообще предвѣщаетъ «поэту»:

„Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“³⁾.

---

¹⁾ Л. Майковъ „Истор.-литер. очерки“, 180, 181, 182.

²⁾ Ibid., 166.

³⁾ Н. Страховъ „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“. Спб. 1888 года, S—9; есть и второе изданіе, Кіевъ, 1897 г.

И такъ, въ концѣ-концовъ мы приходимъ къ заключенію, что Веневитиновскій кружокъ и его журналъ не имѣлъ вліянія на развитіе художественнаго таланта Пушкина и на выработку его эстетическихъ воззрѣній.

Нельзя также говорить и о томъ, чтобы Д. В—овъ имѣлъ вліяніе на самый способъ творчества, процессъ созданія художественныхъ произведеній Пушкинымъ. Д. В—овъ самъ въ статьѣ «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» далъ намъ указаніе на послѣдовательность процесса въ его поэтическомъ творествѣ, и къ нему вполне приложимы слова, сказанныя Льюисомъ въ біографіи Гёте: «Поэтъ можетъ «освободить свою грудь отъ опаснаго матеріала», изливъ этотъ матеріалъ въ художественное произведеніе; но во всякомъ случаѣ онъ необходимо долженъ предварительно пережить то, что изображаетъ,—долженъ предварительно побѣдить свои страсти, совладать съ тревожащими его мыслями, и только тогда уже можетъ онъ облечь свои страсти и мысли въ классическое выраженіе... Художникъ не рабъ, а господинъ; онъ властвуетъ надъ страстями, а не страсти надъ нимъ. Художественное творчество принимаетъ въ свое святилище великія скорби міра, но само оно не есть скорбь. Моментъ творчества наступаетъ для художника только тогда уже, когда буря миновала, когда громовыя тучи смѣнились спокойными массами облаковъ, когда уже сквозь облачныя массы проглянуло солнце и озарило ихъ своими лучами» ¹⁾. Слова эти одинаковымъ образомъ приложимы и къ творчеству П—а, по крайней мѣрѣ, въ его зрѣлую пору. Подтверждаетъ это и свидѣтельство самого поэта о процессѣ его творчества въ эпоху созданія «Бориса Годунова», который именно уже съ полнымъ правомъ можно назвать «однимъ изъ знаменій русско-пушкинской поэзій» ²⁾.

Въ письмѣ отъ 1825 года (сентябрь) къ Ник. Ник. Раевскому онъ, говоря о томъ, какъ создавался «Борисъ Годуновъ», замѣчаетъ: «Я пишу и *думаю*» ³⁾. Затѣмъ къ 1824 году относится слѣдующая замѣтка: «Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и собраній понятій, слѣдственно и объясненію

¹⁾ Lewes „Life of Goethe“; нами взято изъ соч. Тихонравова, т. III, ч. I, прим. стр. 85; по-русски, насколько намъ извѣстно, есть только сокращ. изложеніе.

²⁾ См. Кирѣевскій „Нѣчто о характерѣ поэзій А. С. Пушкина“.

³⁾ Соч. П—а, VIII, 287.

онѣхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе* — *необходимое условіе прекраснаго*.¹⁾ Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ *постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго*²⁾. Итакъ, трудъ, по Пушкину, первое и непремѣнное условіе истиннаго поэтическаго творчества, безъ него невозможно созданіе истинно великихъ поэтическихъ произведеній³⁾.

О «Нѣсколькихъ мысляхъ въ планъ журнала» Пушкинъ знать въ это время ничего еще не могъ и знакомъ съ Д. В—ымъ и его кружкомъ еще не былъ. Слѣдовательно, онъ самъ лично дошелъ до того «новаго способа», о которомъ говоритъ въ приведенномъ выше письмѣ къ Рылѣву, и который только совпадалъ со способомъ творчества В—а,—и дошелъ до него, очевидно, просто путемъ детальнаго изученія произведеній Байрона, Вальтеръ-Скотта и Шекспира (въ ссылкѣ), безъ всякихъ съ чьей бы то ни было стороны критическихъ указаній: мы, по крайней мѣрѣ, ничего не знаемъ ни о какихъ подобнаго рода стороннихъ вліяніяхъ на П—а за время его ссылки. П—ъ послѣ «Бориса Годунова» уже до самаго конца дней своихъ не покидалъ своего «новаго способа».

Конечно, возможно, — и даже не подлежитъ сомнѣнію — что въ своихъ частныхъ бесѣдахъ какъ съ Д. В—ымъ, такъ и съ другими членами кружка, Пушкинъ говорилъ объ этомъ предметѣ, и, конечно, то обстоятельство, что они сходились въ своихъ сужденіяхъ, должно было взаимно укрѣплять въ нихъ рѣшимость строго слѣдовать принятому уже мнѣнію. Что касается П—а, то задатки «новаго способа», намъ кажется, можно найти и въ его юношескихъ произведеніяхъ. Онъ, напримѣръ, очень долго и усидчиво работалъ надъ поэмою «Русланъ и Людмила», такъ что про нее никакъ нельзя сказать,

1) Курсивъ послѣд. слова и въ подлин., остал. нашъ.

2) Соч. П—а, IX, 68; послѣдній курс. нашъ.

3) Подробнѣе объ этомъ см. у Тихонравова, рѣчь о А. С. П—ѣ, 1880 года, 6 іюня, въ собр. соч. Тих. т. III, ч. I.

чтобы она была плодомъ «перваго впечатлѣнія». Эти задатки «новаго способа» благодаря благопріятнымъ условіямъ только получили свое окончательное развитіе во время его ссылки ¹⁾).

Такимъ образомъ, о чемъ-нибудь болѣе значительномъ, чѣмъ о простомъ сходствѣ принятаго Пушкинымъ уже ранѣе самостоятельно правила для послѣдовательности процесса художественнаго творчества съ мнѣніемъ В — а о томъ же предметѣ, на нашъ взглядъ, не можетъ быть и рѣчи.

Нѣтъ сомнѣнія, что, и не сблизься Пушкинъ съ Веневитиновымъ и кружкомъ «московскихъ литераторовъ», онъ не оставилъ бы выработаннаго еще въ ссылкѣ «новаго способа» творчества.

Мы рѣшительно не согласны съ г. Пятковскимъ, который, сопоставляя поэзію П — а съ поэзію В — а говоритъ: «Тамъ (т. е. у Пушкина) страшная сила непосредственнаго творчества, тутъ (т. е. у Веневитинова) глубокая внутренняя работа, въ которой талантъ не вдругъ обнаруживаетъ свои скрытыя силы» ²⁾. «Непосредственное творчество», т. е. творчество подъ впечатлѣніемъ «перваго чувства», по выраженію Веневитинова, можно найти у Пушкина развѣ только въ юношескихъ произведеніяхъ, относящихся къ тому времени, когда талантъ его еще не развернулся во всей его силѣ.

Намъ остается теперь сказать только о «Новой сценѣ между Фаустомъ и Мефистофелемъ» и вообще объ отношеніи Пушкина къ Гёте.

Анненковъ говоритъ: «За нѣсколько времени до смерти своей, Веневитиновъ написалъ «Посланіе Пушкину», въ которомъ призываетъ пѣвца Байрона и Шенье—воспѣть великаго германскаго старца, Гёте. Пушкинъ въ превосходной сценѣ, созданной въ это же

---

¹⁾ Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, чтобы ссылка была вообще полезна, благотворна для П — а и его таланта; конечно, въ лучшемъ положеніи П — а развился бы еще скорѣе; онъ только сумѣлъ, къ великой своей чести, обратить себя на пользу и тѣ дурныя обстоятельства, въ которыя попалъ — не больше, онъ не былъ сломленъ судьбою, упорно выдержалъ натискъ всякаго рода непріятностей, которымъ подвергался. Подъ «благопріятными условіями» мы разумѣемъ его занятія за время ссылки западно-европейскими классиками и изученіе народнаго творчества. Но все это могло быть и безъ ссылки.

²⁾ Соч. В — а, 58; курсивъ нашъ.

время и названной имъ: Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ, — измѣнилъ, отчасти, образы германскаго поэта, но съ замѣчательною силою, энергіей поэзіи» ¹⁾).

Данная выше характеристика Д. В—а, какъ поэта, показываетъ, что по роду своего поэтическаго дарованія онъ всего ближе подходитъ къ Гёте; этотъ поэтъ былъ для него, какъ и для его друзей, идеаломъ; и В—овъ оставилъ намъ нѣсколько прямо, можно сказать, превосходныхъ и по близости къ подлиннику и по красотѣ выраженія переводовъ изъ произведеній великаго германскаго поэта, что лучше всего показываетъ, какъ хорошо понималъ его В—овъ ²⁾). Мы знаемъ, съ какимъ высокимъ уваженіемъ относился В—овъ къ поэзіи Пушкина и его таланту, что такъ ярко выразилось и въ «Посланіи» и въ его критическихъ статьяхъ о П—ѣ; поэтому, происхожденіе «Посланія Пушкину» для насъ вполне понятно.

«Посланіе» относится къ 1826 году ³⁾. «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» появилась впервые въ печати въ 1828 году (въ № 9 «Московскаго Вѣстника» ⁴⁾). Но мы имѣемъ свидѣтельство М. П. Погодина, который въ своемъ дневникѣ за 1826 годъ (сентябрь мѣсяць) записалъ слѣдующія слова Д. В — а, въ семьѣ котораго наканунѣ (10 сентября) Пушкинъ читалъ своего «Бориса Годунова»: «Борисъ Годуновъ чудо. У него (т. е. у Пушкина) еще Самозванецъ, Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, *продолженіе Фауста, 8-я пѣснь* ⁵⁾ Онѣгина» ⁶⁾. Тутъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. У Погодина записано: «8-я пѣснь», «Моцартъ и Сальери». Между тѣмъ намъ извѣстно, что у Пушкина въ это время могли быть только *наброски* 8-й главы «Евг. Онѣг». (8-я глава такъ и не была отдѣлана въ этомъ году). Точно такъ же и «Моцартъ и Сальери» могъ быть въ это время только въ черновомъ видѣ, или же даже просто лишь въ замыслахъ у поэта: настоящій свой видъ эта пьеса получила много позднѣе (по «хро-

¹⁾ „Матеріалы“, 177.

²⁾ В—овъ перевелъ изъ Гёте: „Земная участь и апоѳеозъ художника“, отрывки изъ „Фауста“ — стихами, и „Сцены изъ Эгмонта“ — проза.

³⁾ См. въ Собр. соч. Д. В—а, стр. 101—2.

⁴⁾ Въ изданіи „соч. П—а“ Суворина ошибочно указано 1826 годъ (см. т. II, 284).

⁵⁾ Курсивъ нашъ.

⁶⁾ Барсуковъ, II, 42.

нологическому списку произведений Пушкина» въ 1830 году). Имѣя въ виду неполную точность въ сообщеніяхъ Погодина, касающихся «Моцарта и Сальери» и «8-й пѣсни Евг. Онѣгина», можно думать, что и «Продолженіе Фауста» (т. е., очевидно, «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ») въ то время, когда была сдѣлана Погодинымъ запись, представляло изъ себя еще *только наброски*, и не было отдѣлано окончательно. Въ хронологическомъ спискѣ произведеній А. С. П.—а «Новая сцена между Ф. и М.» отнесена къ 1826 году ¹⁾, такъ что она довольно долго пролежала въ портфель П.—а, что, какъ извѣстно, вообще нерѣдко случалось съ его произведеніями, или же, что кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, получила свой окончательный видъ, въ какомъ явилась въ печати, не сразу, а претерпѣла до этого рядъ переработокъ, отнесена же составителемъ списка къ 1826 году, очень возможно, исключительно на основаніи приведенной выше записки Погодина.

Не можетъ быть сомнѣнія, что П.—ъ зналъ Веневитиновское «Посланіе», и поэтому весьма правдоподобно, что «Новая сцена между Ф. и М.» явилась подъ влияніемъ призыва со стороны В.—а. Мы видѣли уже, съ какимъ уваженіемъ отзывался П.—ъ о критической статьѣ В.—а (по поводу первой главы «Евг. Онѣг.»). Отсюда естественно предположить, что онъ со вниманіемъ отнесся къ «Посланію» молодого поэта-мыслителя, и принялъ къ свѣдѣнію его совѣтъ.

В.—овъ призывалъ П.—а къ созданію поэтическихъ произведеній въ духѣ Гёте, но еще Бѣлинскій въ статьяхъ о П.—ѣ сказалъ, что «Сцена изъ Фауста» — превосходная пьеса, но что «паѳосъ ея не совѣмъ Гётевскій» ²⁾. И это было весьма справедливое сужденіе. Чѣмъ же объяснить, что П.—ъ не далъ въ своемъ произведеніи Гёте? Здѣсь возникаетъ вопросъ, понималъ ли онъ Гёте и, слѣдовательно, могъ ли дать его.

Извѣстно, что П.—ъ неохотно читалъ по-нѣмецки и никогда хорошо не зналъ нѣмецкаго языка. Поэтому, надо думать, что Гёте онъ читалъ не въ подлинникѣ. Это подтверждаетъ и Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Шекспира (а равно Гёте и Шиллера)

¹⁾ Соч. П.—а, т. I, L.

²⁾ Соч. Бѣл., VIII, 409.

разсказываетъ онъ «онъ (т. е. Пушкинъ) не читалъ въ подлинникѣ, а во французскомъ старомъ переводѣ, поправленномъ Гизо, но понималъ его гениально» ¹⁾). Необходимо внести небольшія поправки въ свидѣтельство Шевырева. Во-первыхъ, изъ словъ Шевырева можно понять, пожалуй, что П—ъ читалъ и Шекспира, и Гёте, и Шиллера во французскомъ переводѣ Гизо, тогда какъ въ дѣйствительности въ переводѣ Гизо онъ могъ читать, конечно, только Шекспира по той простой причинѣ, что Гизо не переводилъ ни Гёте, ни Шиллера. И Шиллера, и Гёте Пушкинъ могъ читать—и, безъ сомнѣнія, читалъ—не на нѣмецкомъ языкѣ, а на французскомъ, который онъ такъ отлично зналъ, но не въ переводѣ Гизо, а чѣмъ-нибудь еще. Во-вторыхъ, нельзя вполне принять и свидѣтельства Шевырева о томъ, что П—ъ читалъ Шекспира только въ переводѣ Гизо. Въ библиотекѣ П—а найдены экземпляры сочиненій Шекспира на англійскомъ языкѣ. Вообще поэтъ, какъ извѣстно, *могъ* читать по-англійски, хоть, можетъ быть, и не особенно свободно и бѣгло. Байрона онъ читалъ, на примѣръ, безъ сомнѣнія, въ подлинникѣ. Шекспира читать въ подлинникѣ, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ Байрона. Но то обстоятельство, что въ библиотекѣ П—а оказался Шекспиръ на англійскомъ языкѣ, кажется, даетъ намъ право сдѣлать, по меньшей мѣрѣ, такого рода заключеніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было прочесть что-нибудь наскоро или поскорѣе навести какую-нибудь справку, поэтъ бралъ французскій переводъ Шекспира, въ другихъ же случаяхъ обращался къ англійскому подлиннику.—Какъ бы то ни было, не можетъ быть спора относительно справедливости замѣчанія Шевырева, что «Пушкинъ понималъ Шекспира гениально»: поэтъ прекрасно доказалъ это своимъ «Борисомъ Годуновымъ».—Могъ Пушкинъ читать Гёте и во французскомъ переводѣ, а не въ подлинникѣ, и несмотря на это, понимать его «гениально». Такъ это и было.

Къ нашему счастью, сохранился весьма не большой, но крайне любопытный отрывокъ одного письма Пушкина изъ Одессы къ неизвѣстному лицу въ Москвѣ, относящійся къ марту 1824 года.

Вотъ этотъ отрывокъ: «Читая Библию, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать,

¹⁾ Л. Майковъ, 165.

что я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чпстаго аеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аеей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent createur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная¹⁾... Насколько можно уловить изъ этого удѣлѣвшаго отрывка связь мыслей П—а, надо полагать, что Гёте сопоставляется съ Библіею вовсе не съ точки зрѣнія поэтическихъ достоинствъ. Изъ отрывка видно, что въ то время, когда писалось письмо, П—ъ былъ увлеченъ атеистическими идеями. Поэтому, можно думать, что П—ъ зачитывается Гёте, предпочитая даже его Библию,—не столько потому, что находить въ немъ большую поэтическую глубину, чѣмъ въ Библию, сколько потому, что прельщается въ произведеніяхъ Гёте, его увлеченіемъ природой, которое въ соединеніи съ философскими стремленіями дѣлаетъ Гёте однимъ изъ самыхъ видныхъ поэтовъ—пантеистовъ.

Атеистическими идеями П—ъ уже по самой своей натурѣ не могъ увлекаться глубоко и надолго: онъ былъ, какъ извѣстно, довольно-таки суевѣренъ, суевѣріе же никогда не уживается съ атеизмомъ. И въ данномъ случаѣ увлеченіе атеизмомъ не могло быть—да и не было—глубокимъ и продолжительнымъ. Слѣдовательно, если бы въ Гёте увлекала П—а исключительно только вышеуказанная сторона, то вскорѣ же по минованіи увлеченія атеизмомъ или одновременно съ нимъ должно было миновать и увлеченіе Гете. Въ дѣйствительности же было не такъ. П—ъ не переставалъ изучать Гёте и послѣ того, какъ остыло его недолговременное увлеченіе атеизмомъ. Но въ 1824 году, въ годъ увлеченія атеистическими идеями, *главнымъ образомъ*, повидимому, увлекала П—а въ Гёте не глубина его поэзіи въ всемъ ея объемѣ, а именно указанная выше сторона его произведеній.

Кромѣ вышеприведеннаго отрывка, къ тому же 1824 году—но не къ марту, а къ іюню мѣсяцу—относится еще одно, впрочемъ, весьма незначительное замѣчаніе П—а о Гёте²⁾. Именно, въ письмѣ

¹⁾ Соч. П—а, VIII, 207—8, или 333.

²⁾ Соч. П—а, VIII, 192 (письмо къ Вестужеву).

къ Бестужеву Пушкинъ называетъ Гете «полупокойникомъ». Однако въ названіи этомъ никакъ нельзя видѣть чего-нибудь оскорбительнаго для памяти великаго германскаго поэта. Это—просто необычайно яркое, пластическое выраженіе, на которое былъ способенъ только Пушкинъ,—но не болѣе. Въ то время, къ которому относится письмо Пушкина, Гете, дѣйствительно, былъ, можно сказать, полупокойникомъ: въ іюнѣ 1824 года ему было почти уже семьдесятъ шесть лѣтъ—возрастъ такой, когда въ большинствѣ случаевъ человѣкъ уже шагнулъ, такъ сказать, одной ногой въ могилу и, дѣйствительно, можетъ быть названъ *полупокойникомъ*.

Послѣднее и приводившееся выше упоминанія поэта о Гёте при всей ихъ краткости важны для насъ во всякомъ случаѣ въ томъ отношеніи, что показываютъ, что П—ъ еще въ 1824 году читалъ—и читалъ, повидимому, съ большимъ увлеченіемъ—произведенія Гёте. Но то обстоятельство, что Гёте предпочитается Библии по отмѣченной уже нами причинѣ, даетъ намъ, кажется, право заключить, что П—ъ, увлекшись *преимущественно* матеріалистически-пантеистическимъ міросозерцаніемъ, отраженнымъ въ произведеніяхъ Гёте, недостаточно вникъ въ нихъ для того, чтобы постигнуть глубину поэзіи Гете во всей ея полнотѣ и не увлекаться по преимуществу одной какой-нибудь ея стороной.

Затѣмъ, когда П—ъ въ 1826 году пріѣхалъ въ Москву и здѣсь сошелся съ В—ымъ и его друзьями, то, конечно, отчасти подѣ влияніемъ его призыва — «Посланіе Пушкину» относится, впрочемъ, еще ко времени, предшествовавшему лично знакомству В—а съ П—ымъ, да и сама «Новая сцена между Ф. и М.», хотя и не въ окончательной формѣ, а только вчернѣ, какъ то можно видѣть изъ приводившагося выше свидѣтельства М. П. Погодина, была написана П—ымъ еще въ Михайловскомъ, и привезена оттуда имъ съ собою въ Москву,—а главнымъ образомъ подѣ влияніемъ тѣхъ бесѣдъ о Гёте и его поэзіи, которыя, безъ сомнѣнія, не разъ приходилось ему слышать въ кружкѣ издателей «Московскаго Вѣстника», такъ высоко цѣнившихъ этого поэта и давшихъ въ своемъ журналѣ не мало переводовъ изъ него и критическихъ статей о немъ,—онъ снова принялся за изученіе его произведеній, и въ этотъ разъ результаты были совсѣмъ иные. Не подлежитъ сомнѣнію, что и самое изученіе было гораздо детальнѣе и глубже, чѣмъ прежде.

П—ъ уже не увлекался преимущественно какой-нибудь одной стороной поэзии Гёте, а одинаково постигъ всё ея стороны, — всю поэзію Гёте во всей ея полнотѣ. Иначе какъ объяснить тѣ замѣчанія о Гёте и его значеніи, какія находимъ у П—а, начиная съ 1827 года? Безсознательно пѣть съ чужого голоса онъ, конечно, не могъ. Въ «Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ и замѣчанійхъ» (1825—1827 года) встрѣчаемъ, въ концѣ ихъ, такое мѣсто, изъ котораго явствуетъ, что П—ъ находить въ Фаустѣ Гёте «смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлетъ творческою мыслию» и ставитъ Гёте наравнѣ съ Шекспиромъ, Dante, Milton'омъ ¹⁾. Въ 1827 году въ статьѣ «О Байронѣ»: «Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служить представителемъ новѣйшей поэзіи, точно такъ же какъ Илиада служить памятникомъ классической древности» ²⁾.

Чтобы прийти къ такимъ сужденіямъ, требовалось близкое и внимательное изученіе поэзии Гёте. А въ «мелкихъ замѣткахъ» (1829 — 31 года) читаемъ: «Гёте имѣлъ большое влияніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чайльдъ Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи — и остался хромъ, какъ Іаковъ» ³⁾. Итакъ, П—ъ, какъ видно изъ этой выписки, дошелъ уже до сознанія того, что Гёте выше Байрона. — Наконецъ, въ статьѣ «О сочиненіяхъ П. А. Катенина» опять говорится (въ 1833 году), что «*Байронъ* въ своемъ Манфредѣ... *ослабилъ* духъ и формы своего образца (т. е. Фауста» ⁴⁾. Всѣ эти четыре замѣчанія — особенно три послѣднія — свидѣтельствуютъ не только о глубокомъ и вѣрномъ пониманіи поэзии Гёте самой по себѣ, но и объ изученіи ея роли въ исторіи всеобщей литературы. Во всѣхъ нихъ говорится спеціально о Фаустѣ. Это для насъ важно, потому что показываетъ, что изъ всѣхъ произведеній Гёте П—ъ съ особенною любовью и вниманіемъ изучалъ именно это бессмертное твореніе Гёте.

¹⁾ Соч. П—а, IX, 80.

²⁾ Соч. П—а, IX, 168.

³⁾ Ibid., IX, 82.

⁴⁾ Ibid., IX, 322; курсивъ нашъ.

Итакъ, наше мнѣніе таково, что П—ъ понималъ «геніально», по выраженію Шевьрева, не только прочія созданія величайшаго поэта Германіи, но и «Фауста», вопросъ о которомъ преимущественно интересуется насъ. Въ дѣлѣ пониманія поэзіи Гёте Пушкинъ врядь ли нуждался въ указаніяхъ В — а и его друзей.

Что же касается спеціально вопроса о «Новой сценѣ между Ф. и М.» то—повторяемъ—она явилась, вѣроятно, исключительно благодаря «Посланію» Веневитинова.

Почему же однако Пушкинскій Фаустъ (т. е. «сцена между Ф. и М.»)—не то, что Гетевскій? Потому ли что П—ъ не могъ дать Гетевскаго Фауста? Или потому что онъ и не хотѣлъ давать его? Можетъ быть, и потому, что въ то время, когда создавалась сцена (1826 годъ), П—ъ еще не проникъ вполне духомъ Гетевскаго Фауста: изъ приведенныхъ выше четырехъ отзыовъ о Фаустѣ только одинъ относится къ 1827 году, всѣ другіе болѣе поздняго времени; да и сама «Сцена» была создана или, по меньшей мѣрѣ, набросана, еще до знакомства П-а съ В-ымъ и его друзьями. Но намъ кажется, что на созданіе Пушкинымъ своего, а не Гетевскаго Фауста гораздо большее вліяніе имѣли причины совсѣмъ иного свойства, чѣмъ пониманіе или непониманіе Гете,—именно причины психологическаго характера, связаннаго тѣсно съ тѣмъ, что переживалъ самъ поэтъ; т. е. мы склонны думать, что П—ъ и не думалъ давать въ своемъ «Фаустѣ» Гете.

Еще въ 1846 году Бѣлинскій писалъ о «Сценѣ между Ф. и М.»: «Это былъ не переводъ какого-нибудь отрывка изъ знаменитой драматической поэмы Гете, но варіація, разыгранная на ея тему. Многимъ эта сцена такъ понравилась, что они, не зная Гетева «Фауста», порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стилями, но между ею и Гетевымъ «Фаустомъ» нѣтъ ничего общаго. Она — не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его маленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этотъ демонъ былъ «довольно мелкій, изъ самыхъ нечиновныхъ». Онъ соблазнялъ однихъ юношей.

Въ тѣ дни, когда имъ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія.

Поэтому, ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него, ибо

Неистощимый клеветою
Онъ провидѣнье искашалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенъ презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всѣй природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

«Печальны, говорить Пушкинъ, были мои встрѣчи съ нимъ!» Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкою смотритъ на Пушкинскаго чертенка.» ¹⁾ И далѣе: «Его (т. е. Пушкина) Мефистофель, въ «сценѣ изъ Фауста», все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ онъ въ молодости подъ громкимъ именемъ «Демона». Это просто-на-просто острякъ прошлаго столѣтїя, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина—не измученный неудовлетворенною жаждою знанїя человекъ, а какой-то пресытившїйся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé. Несмотря на то, пьеса эта написана ловко и бойко, и потому читается легко и съ удовольствїемъ.» ²⁾ То же самое повторила и критика «Современника» въ пятидесятыхъ годахъ, сдѣлавъ только незначительные пропуски, сути дѣла не измѣняющїе ³⁾.

Что касается характеристики Мефистофеля, то мы согласны съ Бѣлинскимъ, и, хотя его безопадный анализъ и ближе къ настроенїю Гётева Мефистофеля, чѣмъ настроенїе Фауста къ настроенїю своего прототипа, въ немъ все-таки нельзя не видѣть отзвука Пушкинскаго «Демона». Но мы несогласны съ тѣмъ, что Фаустъ Пушкина—«какой-то пресытившїйся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé».

Вопросъ о Пушкинскомъ Фаустѣ выяснялъ, между прочимъ, покойный профессоръ С.-Петербургскаго Университета Незеленовъ ⁴⁾. Онъ сравнивалъ «отношенїя къ Фаусту творца его и нашего Пушкина», и находилъ, что «сцена Пушкина—поправка (съ русской точ-

¹⁾ Соч., Бѣл. УШ, 669.

²⁾ Соч. Бѣл., VII, 671.

³⁾ Чернышевскїй „Критич. статья“, стр. 110.

⁴⁾ Онъ относитъ написанїе сцены почему-то къ 1825 году.

ки зрѣнія) великаго созданія Гете,» что «взглядъ Пушкина на жизнь оказался нравственно выше міросозерцанія Гете», что умственный кругозоръ его оказался шире». Въ то время какъ Гете «не оцѣниваетъ по достоинству дѣйствій своего героя относительно наивной и чистой дѣвушки», «вполнѣ сочувствуетъ Фаусту: нигдѣ незамѣтно, чтобы онъ судилъ своего героя за его возмутительно-безнравственный поступокъ съ Гретхонь», Пушкинъ «произноситъ строгій приговоръ надъ ученымъ докторомъ, надъ его отношеніями къ Маргаритѣ». Итакъ, по мнѣнію Незеленова, Пушкинскій Фаустъ не то, что Гетевскій Фаустъ, потому что Пушкинъ *созналъ*,—чего нѣтъ у Гете,—что «Гретхень»—«жертва прихоти Фауста», что «любовь ученаго мыслителя къ ней»—«тщетное злое дѣло», и потому заставилъ Фауста, когда Мефистофель началъ «ядовито анализировать, что думалъ Фаустъ на свиданіяхъ съ Маргаритою», воскликнуть съ ужасомъ:

„Сокройся, адское творенье,
Бѣги отъ взора моего“!

Восклипаніе это вызвано у Фауста тѣмъ, что Мефистофель «обнажилъ язвы его совѣсти» ¹⁾).

Итакъ, Фаустъ Пушкина способенъ только забыться на время, на минуту,—и то въ мечтахъ, оторвавшись, такъ сказать, отъ дѣйствительности, «обманувъ себя услужливымъ воспоминаніемъ»; вообще же духъ его снѣдаемъ «рефлексією», убивающею всякое наслажденіе;—и это единственная черта, которую сохранилъ Пушкинскій Фаустъ отъ своего прототипа. Однако и ее нельзя считать взятой или заимствованной у Гетевского Фауста.

Бѣлинскій въ 1841 году писалъ: «рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени ²⁾ Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалась оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленій, «рефлексій.» *Вопросъ* — вотъ альфа и омега нашего времени...—и *многіе* изъ людей нашего вре-

¹⁾ А. Незеленовъ „Пушкинъ въ его поэзіи“ (первый и второй періоды жизни и дѣятельности). Спб., 1882 год., 231, 232, 233.

²⁾ Соч. В. Бѣлинскаго, т. 4, стр. 300.

мени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Фаустомъ и Мефистофелемъ, у Пушкина». ¹⁾ Эти слова Бѣлинскаго весьма справедливы, справедливы они и по отношенію къ двадцатымъ годамъ текущаго столѣтія, хотя тогда еще нельзя было «сцену между Фаустомъ и Мефистофелемъ, у Пушкина, примѣнить къ себѣ» «многимъ изъ людей нашего времени», а только очень небольшой кучкѣ «умственныхъ аристократовъ» русскаго общества того времени. Примѣнимы эти слова и къ самому Пушкину двадцатыхъ годовъ столѣтія, — время, когда создавалась «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ», начатая еще въ Михайловскомъ и окончательно обработанная, вѣроятно, уже въ Москвѣ.

По приѣздѣ изъ ссылки, П—ъ уже не нашелъ въ обществѣ, гдѣ ему надлежало вращаться, тѣхъ людей, единомышленникомъ которыхъ онъ считалъ себя прежде; а тотъ, кто уцѣлѣлъ, молчалъ, и тѣ идеи, сторонникомъ которыхъ мнилъ себя еще недавно Пушкинъ, замерли. Правда, въ Москвѣ онъ нашелъ небольшой кружокъ молодыхъ ученыхъ, съ которыми болѣе или менѣе и сблизился, но не былъ имъ вполне удовлетворенъ, какъ мы видѣли выше; а общество въ его цѣломъ «представилось ему чинною и вмѣстѣ чиновною толпою, съ которою у него не нашлось почти ничего общаго. Высшій или аристократическій кругъ, къ которому Пушкинъ принадлежалъ по своимъ родственнымъ связямъ, отличался невниманіемъ и холодною ко всему русскому» ²⁾, къ которому Пушкинъ питалъ такое высокое уваженіе, особенно со времени пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Всѣ общественные и политическіе интересы въ это время были подавлены; на поэта публика, по свидѣтельству самого Пушкина ³⁾, смотрѣла какъ на свою собственность, которой можетъ распоряжаться, какъ угодно ей, считая себя въ правѣ требовать у него отчета чуть ли не въ малѣйшемъ его шагѣ, признавая его рожденнымъ для ея пользы и удовольствія, живущимъ только для того, чтобы ради нея «сочинять» и «подбирать рѣшмы». Но разъ интересы публики были крайне мелочны, то и требованія, предъявлявшіяся ею къ поэту, не могли быть, конечно, вполне разумны. Извѣстно, какъ

¹⁾ Соч. Бѣлинск., т. 4. стр. 298—9.

²⁾ В. Стоюнявъ „Историческія сочиненія“, ч. II, Пушкинъ. Спб., 1881; 305—6.

³⁾ См. напр. „Поэту“, „Отвѣтъ Авониму“, „Египетск. ночи“ и друг.

отнеслась не только публика, но и критика къ «Графу Нулину», потому что имѣя «дѣтское или темное понятіе о нравственности, смѣшивала ее съ правоученіемъ» ¹⁾; извѣстны столкновенія съ графомъ Бенкендорфомъ etc. etc... Всѣ благія начинанія Пушкина разбивались, понятно, объ эту крѣпкую стѣну общественной пошлости и мелочности. Немного, само-собою разумѣется, понадобилось времени, чтобы П—ъ отлично узналъ эту мертвящую среду и проницая къ ней чувствомъ отвращенія, что—сказать къ слову—вѣроятно, тоже не мало способствовало быстрому сближенію П—а съ Веневитиновскимъ кружкомъ, гдѣ онъ видѣлъ въ членахъ его много и таланта, и ума, и энергіи, и свѣжихъ, молодыхъ силъ, и энтузіазма служить на пользу отечеству и его просвѣщенію.

Въ письмахъ къ Осиповой (1827 и 1828 гг.) Пушкинъ жалуется, вскорѣ по переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ: «Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и та же, хотя и въ различномъ родѣ... это житье довольно пошло, и я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, приѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вапъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтической, несмотря на *скверную* прозу моего настоящаго существованія» ²⁾. Къ тому же времени относятся первые наброски VIII главы «Евгенія Онѣгина»:

„Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей!“ ³⁾

26-го мая 1828 года написано стихотвореніе «Даръ напрасный, даръ случайный»—гдѣ читаемъ:

¹⁾ Соч. П—а, IX, 107.

²⁾ Соч. П—а, VIII, 249 и 250.

³⁾ Соч. П—а, V, 224 (пязъ сгроты XI).

„Кто...

Душу мнѣ наполниль страстью,

Умъ *сомнѣнемъ* взволноваль?

Цѣли нѣтъ передо мною,

Сердце пусто, празденъ умъ,

И томить меня тоскою

Однозвучный жизни шумъ“¹⁾.

Итакъ, преобладающимъ чувствомъ Пушкина въ данное время—приблизительно, время созданія «Новой сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ»—«было томительное, тоскливое состояніе, которое онъ называлъ *скукою*»²⁾. Это не та обыкновенная скука празднаго человѣка, не знающаго куда дѣвать свое время. Это совсѣмъ особенное чувство, являющееся отъ неудовлетворенныхъ требованій духовной жизни, не оставляющее человѣка и во время труда, и въ минуты пріятныхъ впечатлѣній»³⁾.

Еще знаменательнѣе выше приведенныхъ мѣстъ для насъ то, что еще изъ Михайловскаго въ 1825 году, т. е. раньше времени созданія «Сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ», Пушкинъ писалъ Рыльеву: «Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. *Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа*»⁴⁾. Какъ быть?»⁵⁾ Изъ этихъ словъ видно, что чувство скуки, неудовлетворенности современной русской дѣйствительностью снѣдало Пушкина еще во время жизни въ Михайловскомъ—не лишнее, кажется, вспомнить здѣсь также стихотвореніе «Деревня» и другія съ нимъ однородныя—такъ что и начата была сцена подъ впечатлѣніемъ этого чувства; а по пріѣздѣ въ Москву, когда первое, впрочемъ, очевидно, очень кратковременное увлеченіе свѣтскими удовольствіями, которыхъ Пушкинъ такъ долго былъ лишентъ, прошло послѣ того, какъ онъ понялъ пошлость «высшаго свѣта»,—это чувство только усилилось, обострилось, стало еще болѣзненнѣе, чѣмъ раньше, найдя благопріятную для себя пищу; такъ что, и окончательную отдѣлку сцена

---

1) Соч. II—а, IV, 98.

2) Курсивъ и въ подлинникѣ.

3) В. Слюжанинъ, 309.

4) Курсивъ нашъ.

5) Соч. II—а, VIII, 202.

получила подъ впечатлѣніемъ того же чувства «скуки». Изъ приведеннаго отрывка, взятаго изъ письма къ Рылѣву, явствуетъ, что Пушкинъ считалъ такое состояніе духа какъ бы «типической чертой» современнаго образованнаго, мыслящаго человѣка.

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе В. Стоюнина, что «Новая сцена между Ф. и М.» находится въ тѣсной связи съ этимъ взглядомъ Пушкина. Она была создана, по словамъ Стоюнина, или, вѣрнѣе, получила окончательную обработку какъ разъ «вскорѣ послѣ того, какъ онъ снова вступилъ въ кругъ столичной жизни и, отдаваясь ея удовольствіямъ, быстро дошелъ до мысли объ ея пошлости. Скука его лишь усилилась и подъ ея впечатлѣніемъ *создался* у него образъ Фауста съ неизбежнымъ его сопутникомъ Мефистофилемъ»¹⁾—такое мнѣніе Стоюнина, не совсѣмъ справедливое только въ послѣдней своей части: сцена начата была еще до пріѣзда изъ ссылки, и по пріѣздѣ изъ ссылки могла только *досоздаться, а не создаться*. «Пушкинскій Фаустъ», справедливо говоритъ далѣе Стоюнинъ, «съ родни Евгению Онѣгину, который въ свою очередь съ родни самому Пушкину. Это — русскій Фаустъ, т. е. современный Пушкину образованный человѣкъ, развитый чтеніемъ и не нашедшій себѣ въ общественной жизни дѣятельности по душѣ; какъ существо мыслящее, онъ осудилъ всѣ свои прежнія сердечныя увлеченія, свою пустую свѣтскую жизнь, для которой и былъ воспитанъ.

Но напрасно онъ искалъ себѣ дѣятельности внѣ канцелярскаго міра, внѣ полковаго ученія и парадовъ, внѣ той механической службы, которую предлагала жизнь; онъ оставался только при напряженномъ состояніи ума размышляющаго, анализирующаго, резонерствующаго; но эти безцѣльныя упражненія ума не могли удовлетворять природной потребности человѣческаго духа — жить всѣми силами; а тутъ оказывалось силъ много, примѣнять же ихъ было не къ чему, и тѣмъ больше пріобрѣталось познаній, тѣмъ больше являлось пищи для размышленій и тѣмъ яснѣе видѣлись жизненныя противорѣчія, при которыхъ невозможно было ихъ примѣненіе. При такихъ условіяхъ могла быть только одна дѣятельность — *борьба*; но для этого нужно было, во-первыхъ, проникнуться какимъ-либо высокимъ идеаломъ, во имя котораго начать борьбу, и во-вторыхъ, сознать въ самомъ себѣ

¹⁾ Стоюнинъ, 310.

силы или характеръ, котораго не могло развить и образовать свѣтское воспитаніе. Оставалось только размышлять и скучать въ бездѣятельности, потому что въ безцѣльномъ размышленіи нѣтъ дѣятельности. Вотъ какого рода скука была знакома многимъ русскимъ людямъ изъ свѣтскаго общества, у которыхъ умъ былъ возбужденъ односторонно и которые рано извѣдали жизнь въ разныхъ юношескихъ увлеченіяхъ, ослабивъ ими энергію своей души. Это были люди раздвоенные: у нихъ не было дѣятельности, которая занимала бы одинаково ихъ умъ и сердце; оно было пусто и искало себѣ жизни; а между тѣмъ размышляющій умъ анализировалъ всякое чувство и увлеченіе, находилъ его пошлымъ, осуждалъ и подавлялъ въ самомъ началѣ, не давъ развиться тому наслажденію, которое отъ него ожидалось. Люди безъ идеаловъ и съ идеалами, но непримѣнимыми къ жизни, одинаково скучали и постоянно думали о томъ, чѣмъ бы подавить свою скуку. Если ихъ можно сблизить съ настоящимъ Фаустомъ, то развѣ противоположностями—что, впрочемъ, отнюдь не исключаетъ, конечно, принадлежности, и Пушкинскому, и Гётевскому Фаусту общей имъ «рефлексіи»: разница въ цѣляхъ, къ которымъ они стремились.—«Тотъ искалъ познаній, чтобы удовлетворить жажду своего ума; эти, утомляясь одними размышленіями ума, искали жизни для сердца, которое не удовлетворялось тѣмъ, что давала жизнь. Пушкинскій Фаустъ нашелъ, что «въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ» и «проклялъ знаній ложный свѣтъ»¹⁾. Мы согласны съ В. Стоюнинымъ также и въ томъ, что «подъ этотъ типъ (т. е. типъ, отразившійся въ Евгеніи Онѣгинъ и Фаустъ) мы не можемъ вполнѣ подвести нашего поэта, который находилъ себѣ исходъ въ своемъ творчествѣ и ясно сознавалъ задачу своей жизни; но тѣмъ не менѣе онъ переживалъ такое чувство (т. е. чувство скуки въ указанномъ выше смыслѣ), въ виду тѣхъ противодѣйствій жизни, которыя мѣшали ему исполнять эту задачу»²⁾.

Такимъ образомъ, если уже и сблизать «Новую сцену между Ф. и М.» съ поэтическими произведеніями классиковъ Западной Европы, то придется вмѣстѣ съ проф. Кирпичниковымъ признать, что Пушкинскій Фаустъ представляетъ «амальгаму изъ Гёте и Байрона»³⁾,

¹⁾ В. Стоюнинъ, 311—12.

²⁾ В. Стоюнинъ, 314.

³⁾ Энцикл. Слов. Брокг. и Ефр. полуг. 50, стр. 839.

такъ какъ находимъ въ немъ тѣ же байроническіе отголоски, какіе встрѣчаемъ, напримѣръ, и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ общую и Гётевскому и Пушкинскому Фаусту рефлексію. Однако при этомъ надо замѣтить, что какъ байроническіе отголоски Евгенія Онѣгина, «который съ родни самому Пушкину» и Фауста (Пушкинскаго), который «съ родни Евгенію Онѣгину», такъ равнымъ образомъ и рефлексія, которая присуща и самому поэту, коренятся въ самыхъ условіяхъ жизни тогдашняго русскаго общества, а не представляютъ просто заимствованнаго, наноснаго явленія въ произведеніяхъ Пушкина, т. е. здѣсь простое сходство, совпаденіе настроеній, а не заимствованіе.

Все вышеизложенное даетъ намъ право сказать, что и въ дѣлѣ созданія «Новой сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ» значеніе Д. Веневитинова было неособенно велико. Все ограничилось *вызовомъ*, на который откликнулся нашъ великій поэтъ. Но дальше дѣло не шло. «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» *по характеру* дѣйствующихъ лицъ является вполне самостоятельнымъ твореніемъ Пушкина, созданнымъ въ его собственномъ духѣ, а не въ духѣ Гёте — простое совпаденіе одной черты въ Фаустахъ нельзя считать заимствованіемъ со стороны Пушкина, а Мефистофель Пушкинскій то же, что его «Демонъ» молодости — созданнымъ независимо отъ какихъ бы то ни было стороннихъ указаній, подъ впечатлѣніемъ условій окружавшей поэта дѣйствительности, къ которой онъ всегда былъ такъ чутокъ.

Если Гёте и сыгралъ тутъ какую-нибудь роль, то никакъ не бѣльшую — а по степени силы своего влчянія на Пушкина неизмѣримо меньшую — той, какую въ свое время сыгралъ для Пушкина Байронъ. А Байронъ, по удачному выраженію Веневитинова, «былъ для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ были для самого Байрона приключенія его бурной жизни», потому что «при развитіи поэта (какъ вообще при всякомъ нравственномъ развитіи) необходимо, чтобы воздѣйствіе уже зрѣлой силы обнаружило предъ нимъ самимъ: какимъ возбужденіемъ онъ доступенъ. Такимъ образомъ, приведутся въ дѣйствіе всѣ пружины его души и подстрекнется его собственная энергія». Но «первый толчекъ не всегда рѣшаетъ направленіе духа», онъ только «сообщаетъ ему полетъ»¹⁾. Такъ и въ данномъ случаѣ, Гёте и вызовъ

¹⁾ Соч. Д. Веневитинова, 191—2.

со стороны Веневитинова могли «подстрекнуть» въ Пушкинѣ «его собственную энергію», «обнаружить передъ нимъ самимъ, какимъ возбужденіямъ онъ доступенъ»—но не болѣе.

Подводя итогъ всему сказанному о значеніи Д. Веневитинова и «Московского Вѣстника» въ исторіи развитія поэтическаго таланта Пушкина и его взглядовъ на искусство и поэзію (т. е. эстетическихъ воззрѣній), мы никакъ не можемъ признать справедливымъ заявленіе Анненкова, что «Д. Веневитиновъ и его кружокъ сильно повліяли на направленіе «его мыслей и предпочтеній» въ ту, а не другую сторону ¹⁾).

1899 г., марта 22 дня.

---

1) Анненковъ, „Матеріалы“, 169—177.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1900.